Германия на заре фашизма

Автор:
Андреас Дорпален

Германия на заре фашизма

Андреас Дорпален

Книга Андреаса Дорпалена посвящена драматической роли президента Германии Гинденбурга в приходе к власти и укреплении Гитлера во главе государства. Будучи политически неинициативным, но оказавшись втянутым в политику, Гинденбург вынужден был принимать решения, которые противоречили его взглядам. Детально рассмотрена роль президента Веймарской республики в те судьбоносные дни, когда Гитлер прокладывал себе путь наверх, вынашивая планы ликвидации республики. Канцлером Германии Гитлера назначил именно президент Гинденбург. Автор книги использует ранее не опубликованные материалы, а также интервью с коллегами и помощниками Гинденбурга.

Андреас Дорпален

Германия на заре фашизма

Памяти Людвига Дорпахена (1876–1942)

Введение

Несмотря на поистине драматическую роль, сыгранную им в годы заката Веймарской республики, генерал – фельдмаршал и президент Германии Пауль

фон Гинденбург не избалован вниманием историков. Флегматичный и немногословный, он был начисто лишен индивидуальной привлекательности, неизменно вызывающей интерес к исторической личности. Как видный государственный деятель, Гинденбург оставил след в истории скорее своим бездействием, чем проявлением политической активности. Именно по этой причине изучение истории Веймарской республики в период его президентства дает ключ к пониманию ее трагедии. Не имея собственных политических интересов, Гинденбург почти не выступал с политическими инициативами. В то же время, способный к сильным эмоциональным пристрастиям, он умел приспособиться к доминирующим течениям и влиятельным силам своего времени. Таким образом, его оценки и принимаемые им решения дают возможность не только лучше понять его как личность, но и могут служить чувствительным барометром колебаний политического климата, коего они являлись больше следствием, чем причиной.

В то же время тот факт, что Гинденбург в годы кризиса мог стать ведущей политической фигурой государства, несмотря на очевидную ограниченность его убеждений, заключает в себе важную составляющую веймарской трагедии. Беспристрастная мудрость и решимость, которыми миф наделил его еще в самом начале Первой мировой войны, являлись именно теми качествами, в которых тогда нуждалась страна. А изменчивое счастье этого мифа, неоднозначное отношение населения к своему президенту являлись составной и показательной частью исторической судьбы республики.

Тесно связанные между собой биография Гинденбурга и история Веймарской республики ставят историка на острие спорных политических, социальных и психологических проблем, которые углубляются человеческой драмой, бросившей тень на жизнь Гинденбурга в годы его президентства. Жертва и в то же время порождение патриотического мифа, Пауль фон Гинденбург оказался втянутым в политику, которую терпеть не мог, был призван принимать решения, которых предпочел бы избежать, и пребывал в вечном конфликте между требованиями здравого смысла и велением сердца. Чтобы оградить себя от этих противоречий, Гинденбург старался оставаться на заднем плане, не занимать центрального положения на политической сцене. Он предоставлял другим брать на себя лидерство и ответственность за политический курс и конкретные действия. И все же его жизнь и последующая судьба германского государства оказались тесно связанными. Настоящее исследование посвящено и Веймарской республике, и человеку, возглавлявшему ее едва ли не в самый ответственный период ее нелегкого существования.

Глава 1

На стороне республики

Фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, второй и последний президент Веймарской республики, начал свою службу республике уже в первые дни ее существования. Судьба нового государства, в муках родившегося 9 ноября 1918 года, была весьма неопределенной, когда маршал принял ее сторону. Новое правительство, так называемый Совет народных уполномоченных, отчаянно сражался за власть в условиях военной разрухи и политического хаоса. Основываясь на непрочном союзе между умеренными социалистами большинства и радикально настроенными независимыми социалистами, оно испытывало нешуточную угрозу со стороны коммунистов – спартаковцев и экстремистских элементов в Берлине, которые призывали голодные, измученные массы свергнуть «предателей революции» и установить советскую республику. Председателя Совета народных уполномоченных Фридриха Эберта привлекал опыт захвата власти в России большевиками благодаря установлению ими контроля над столицей. Он не сомневался, что для победы над спартаковцами и их союзниками ему необходима военная поддержка, которая могла быть обеспечена только старой монархической армией. Но Эберт не был уверен, пожелает ли Верховное командование армии оказать ему эту поддержку.

К счастью для Эберта, армейское командование тоже оказалось перед дилеммой весьма сходной с той, что стояла перед ним. Лишенное незыблемого авторитета, оно нуждалось в политической поддержке правительства так же остро, как и правительство в военной помощи. Первоочередной задачей стало возвращение войск с вражеских территорий домой. На повестке дня стояло также спасение офицерского корпуса – ядра будущей армии. Но ни одна из этих целей не могла быть достигнута без помощи стабильного, умеренного правительства, пользующегося доверием масс. Таким образом, интересы армии требовали, чтобы она выступила в поддержку Совета народных уполномоченных.

Верховное командование возглавлял Гинденбург, но с Эбертом контактировал не он лично, а его заместитель – генерал Вильгельм Гренер[1 - Вильгельм Гренер занимал пост первого генерала – квартирмейстера, то есть, в отсутствие кайзера, фактически был вторым лицом высшего командного состава

германской армии. (Здесь и далее примеч. пер.)]. Семидесятилетний фельдмаршал, отпрыск старого прусского рода, жизнь и карьера которого были теснейшим образом связаны с подъемом прусско – германской монархии, вряд ли смог бы вступить в переговоры с социалистом, который, по его убеждению, присвоил себе место, по праву принадлежавшее кайзеру. Помимо существования такого рода этических препятствий, Гинденбург был не тем человеком, который мог бы взять на себя ответственность за такой решающий шаг, как сближение с Эбертом. С другой стороны, Гренер, выходец с юга Германии, был представителем среднего класса, а значит, человеком более гибким в своих взглядах и предпочтениях. На всех должностях, которые он занимал во время войны, ему приходилось вступать в контакт с социалистами, а занимаясь руководством службы снабжения, он познакомился с Эбертом и проникся к нему глубоким уважением. Именно он первым увидел настоятельную необходимость установления взаимопонимания с Эбертом, а поскольку Гренер точно знал, что Гинденбург не захочет вести прямые переговоры с лидером социалистов, то решил установить первые контакты сам, от имени фельдмаршала. Гренер не сомневался, что Гинденбург одобрит сотрудничество с социалистами, если ему объяснить возможные преимущества этого решения.

Утром 10 ноября Гренер отправил Эберту телеграмму, в которой информировал о желании Гинденбурга наблюдать за возвращением войск. Со своей стороны, фельдмаршал «ожидал», что правительство обеспечит перевозку, снабжение продовольствием и содействие в поддержании военной дисциплины. Не получив ответа, Гренер позвонил Эберту по прямой линии, соединявшей штаб армии в Спа с кабинетом Эберта в рейхсканцелярии. Они довольно быстро нашли общий язык. Гренер еще раз подтвердил желание Верховного командования контролировать вывод армий с фронтов. В свою очередь он потребовал от имени Гинденбурга обещания, что правительство поддержит фельдмаршала и офицерский корпус в принятых мерах по наведению порядка и дисциплины в армии. Офицерский корпус, заявил он, ожидает, что правительство активизирует борьбу против большевиков, для чего предоставляет себя в полное распоряжение правительства. Эберт с радостью принял эти условия. «Передайте фельдмаршалу глубокую благодарность правительства», – с чувством сказал он.

Прежде чем передавать благодарность Эберта, Гинденбурга следовало проинформировать о соглашении, достигнутом от его имени. Как и ожидалось, Гинденбург одобрил действия генерала, поскольку понимал, что сотрудничество с новым правительством является единственным способом обеспечения стабильности. К тому же он был рад, что Гренер взял на себя инициативу в весьма неприятных переговорах с новыми властями. Гинденбург продолжал

сохранять полную пассивность на протяжении последующих недель и месяцев, не беря на себя никаких обязательств и не принимая серьезных решений. Гренер вспоминает: «Он едва ли когда – нибудь активно участвовал в принятии решений, без которых нельзя было обойтись. Его информировали обо всем, после чего он занимал выжидательную позицию, желая посмотреть, как сложатся дела». Однако для Гренера молчаливого согласия Гинденбурга было достаточно. Оно обеспечивало ему поддержку собственных подчиненных, многие из которых поначалу не желали служить новому республиканскому правительству. Однако они смирились с этой необходимостью, увидев, что даже их почтенный главнокомандующий склонился перед новой реальностью.

Соглашение, заключенное между Эбертом и Гренером в тот судьбоносный день – 10 ноября, было соглашением между равными участниками и не предусматривало подчинения Верховного командования армии правительству. Оба партнера получили власть из разных источников: Эберт считал себя доверенным лицом нации, а Гинденбург, от лица которого выступал Гренер, был назначен на свой пост кайзером. Как и в дни монархии, армия и правительство стали равными и независимыми партнерами, но только теперь не существовало монархии, которая их объединяла.

С точки зрения участников, соглашение заключало в себе серьезный риск для обеих сторон. Эберт стремился к такой Германии, где каждый гражданин сможет пользоваться возможностями демократии и свободой развития личности, а армия будет выполнять необходимую, но все же второстепенную функцию оборонительной силы. Теперь же он вынужден был делиться сомнительным авторитетом своего нового правительства с армейским командованием, в монархистских и антипарламентских настроениях которого он не сомневался. В свою очередь Гинденбург и Гренер должны были оказывать поддержку республиканскому, социалистическому и антимилитаристскому правительству, по отношению к которому, являясь преданными монархистами и профессиональными военными, могли находиться только в оппозиции. Они не представляли себе государства, в котором армия была бы всего лишь инструментом власти и не служила также духовной опорой для недисциплинированного по своей сути населения. Поэтому они не желали довольствоваться второстепенной ролью. Как пишет Гренер в своих мемуарах, «мы надеялись обеспечить, благодаря своему вкладу, часть власти в новом государстве для армии и офицерского корпуса. Если бы мы преуспели, то, несмотря на революцию, сумели бы сберечь в новой Германии лучший и самый сильный элемент наших древних прусских традиций». И все же, несмотря на очевидный риск, ни одна из сторон не видела иного выхода, кроме

сотрудничества.

Верховное командование получало и некоторые ощутимые выгоды от соглашения: пакт позволил генералам вернуть свои войска обратно в страну, а оградив офицерский корпус от социальных потрясений, позволил ему сохраниться в качестве цельного организма, имеющего собственные цели и систему ценностей. Преимущества, полученные от установления взаимопонимания с армией, для правительства были менее очевидны. Хотя соглашение Эберта – Гренера обеспечило упорядоченное возвращение армии, но, учитывая ее усталость и низкий моральный дух, ее невозможно было использовать в политических целях. Она не могла оказать действенную помощь в борьбе против спартаковцев и других бунтарей. Ее главный вклад в выживание республики заключался в том, что имя Гинденбурга стало ассоциироваться с неким молчаливым партнерством с новым режимом. Сам факт, что фельдмаршал желал сотрудничать с новым правительством, позволял офицерам оставаться на своих постах и принимать новые назначения. Поэтому, когда в декабре 1918 года открылась вакансия прусского военного министра, полковник Вальтер Рейнхардт, которому этот пост был предложен, принял его, но только заручившись согласием фельдмаршала. Когда стали организовываться новые военные формирования, и другие офицеры также с готовностью предложили себя в распоряжение нового правительства, поскольку не сомневались, что могут рассчитывать на одобрение Гинденбурга.

Существование двоевластия в новом государстве оказало положительное влияние на его силовую структуру, но оно также способствовало сохранению социальных и политических разногласий, которые позже терзали республику на протяжении всего недолгого периода ее существования. И, повинуясь неотвратимой исторической логике, эти проблемы, тесно связанные с, хотя и неявной, близостью Гинденбурга к процессу создания Веймарской республики, привели его спустя несколько лет к посту ее президента.

Человек, который помог Веймарской республике выжить на самом раннем этапе ее существования и которому было суждено сыграть столь незавидную роль в годы ее упадка, был самым неподходящим кандидатом на этот пост.

Пауль (Людвиг Ганс Антон) фон Бенкендорф и фон Гинденбург был отпрыском старинного прусского юнкерского рода[2 - Со стороны матери Гинденбург, как и Бисмарк, происходил из семьи среднего класса, но предпочитал игнорировать

буржуазный элемент своего происхождения. В своих мемуарах он подробно изложил историю своих предков со стороны отца, но проявил удивительную сдержанность, когда речь зашла о предках по материнской линии.]. Он родился 2 октября 1847 года в прусской крепости Позен, где служил его отец, получил образование в кадетском корпусе, участвовал в австро – прусской войне 1866 года и Франко – прусской войне 1870–1871 годов, с завершением которой был направлен в военную академию, окончив ее с блеском. Затем последовала служба на разных штабных постах и в должности полевого командира. В 1879 году, будучи в Штеттине, он женился на дочери прусского генерала Гертруде фон Шперлинг, которая родила ему троих детей – двух дочерей и сына.

Хотя Гинденбург всегда привлекал внимание вышестоящих командиров – граф Шлиффен, тогда полковник Генерального штаба, а позднее его знаменитый начальник, всегда высоко отзывался о способностях молодого человека[3 - И фельдмаршал фон Мольтке, и генерал – квартирмейстер граф Вальдерзее были согласны с оценкой Шлиффена. Позже Шлиффен, судя по всему, изменил свои взгляды. Обсуждая предполагаемое назначение Гинденбурга на должность начальника штаба армейского корпуса в 1896 году, он видел, что Гинденбург никак не отличился на должности штабного офицера, да и полевым командиром был не вполне удовлетворительным. Все же Гинденбург получил назначение, хотя и в другой корпус.], – его продвижение по служебной лестнице не было быстрым. В 1911 году Гинденбург оставил действительную службу в должности командира армейского корпуса – достигнув возраста шестидесяти трех лет, он был вполне готов передать свои обязанности более молодым командирам. Выходя в отставку, он не получил звания генерал – полковника, как некоторые другие, занимавшие такое же положение, – это был достойный финал почетной, но отнюдь не выдающейся карьеры.

Тем не менее следует признать, что из сотен полковников своего поколения Гинденбург был одним из двух десятков, достигших верхней ступени военной лестницы. Шлиффен предлагал его на должность начальника Генерального штаба, а в 1909 году его имя упоминалось при обсуждении кандидатуры военного министра. Семья Гинденбурга, безусловно, принадлежала к числу старой военной знати, но жила замкнуто, а сам он, флегматичный и неразговорчивый, был не тем человеком, который активно завязывает социальные контакты, чтобы ускорить свою карьеру. Посему представляется очевидным, что его продвижение по служебной лестнице происходило исключительно благодаря высоким профессиональным качествам. Только назначение в гвардейский полк в начале карьеры дало ему некоторые преимущества над менее удачливыми коллегами.

Впрочем, вышестоящие командиры, по всей видимости, ценили в Пауле фон Гинденбурге в первую очередь не его профессиональные качества: сыграли роль некоторые черты его внешности и темперамент. Очень большой, даже по армейским стандартам, высокий неторопливый человек был чрезвычайно импозантен. Его непоколебимое спокойствие производило впечатление уверенности и силы и наделяло беспрекословным авторитетом. «<Я помню людей из 1930–х годов, которые вовсе не были застенчивыми или легковозбудимыми, – писал его современник Теодор фон Эшенбург, – но им был свойственен некий страх, как перед выходом на сцену, делавший их неуверенными в себе при встрече с Гинденбургом. И дело было вовсе не в авторитете должности, высоком воинском звании, военной славе или почтенном возрасте. Здесь речь шла о неких личных флюидах, действовавших на всех за очень редким исключением». Гинденбург знал о влиянии, которое оказывал на окружающих. Он не был, как отмечает тот же автор, актером, который специально выбирает и отрабатывает свой тон и жесты, но он чувствовал, что для достижения такого эффекта требуется сдержанное и дисциплинированное поведение, и неуклонно его придерживался. «Перед людьми за пределами своего семейного круга он всегда демонстрировал завидное самообладание и держался с большим достоинством, даже когда старался шутить. <…> Достойные манеры, выдержку он считал своим долгом; но без некой неотъемлемо присущей только ему составляющей такая сознательная демонстрация вряд ли могла иметь столь сильный эффект на окружающих, который очень многие ощутили на себе».

Для людей, занимавших высокие командные посты, эти качества, должно быть, казались достаточно важными, чтобы компенсировать недостаток личной инициативы и отсутствие воображения. Когда Шлиффен предложил Гинденбурга в качестве своего преемника, он, скорее всего, рассматривал его как преданного исполнителя его (Шлиффена) планов, а не создателя своих. От человека авторитетного и в то же время конформиста по натуре можно было ожидать, что он сохранит четко отлаженный механизм работы Генерального штаба. Но, судя по условиям его отставки, эти достоинства не были сочтены достаточными, чтобы доверить ему главную командную должность на случай войны.

Тем не менее вскоре после начала Первой мировой войны в 1914 году Гинденбург был назначен командующим армией в Восточной Пруссии. Назначение, правда, состоялось только после того, как был выбран начальник штаба – генерал – майор Эрих фон Людендорф и было призвано обеспечить

этого способного, но своевольного и очень темпераментного офицера номинальным руководителем, который не станет вмешиваться в принимаемые решения.

Подобный стиль их сотрудничества задал тон всем их последующим взаимоотношениям. На протяжении всей войны Людендорф был инициатором совместных планов и политических решений, а Гинденбург, как он сам писал в своих мемуарах, считал своей первоочередной задачей позволить и, если надо, обеспечить Людендорфу столько свободы, сколько необходимо для осуществления успешного планирования. Но Гинденбург не был только номинальным главой, его функция не была чисто представительской. Сильное влияние его личности придавало этому тандему особый характер. Спокойствие, самообладание Гинденбурга было противовесом порывистости Людендорфа, сдерживало его, заставляло остепениться[4 - В одном из писем Гофман писал: «Именно спокойствие Гинденбурга спасло ситуацию в решающий момент сражения при Танненберге в августе 1914 года, хотя Людендорф всегда отрицал, что помышлял об отступлении».]. Примиренческие методы Гинденбурга также неоднократно помогали ослабить напряженную обстановку, создаваемую высокомерной властностью Людендорфа в штабе.

Очень скоро влияние личности Гинденбурга начало распространяться и на людей, не находящихся под его непосредственным командованием. По прошествии нескольких дней после победы в августе 1914 года над русскими под Танненбергом он стал национальным героем, его имя с благоговением произносили в каждом доме. Нация, в ужасе ожидавшая нашествия русских, возликовала, получив известие о сокрушительном поражении, которое потерпела царская армия. Гинденбурга превозносили как блестящего стратега, великого генерала, обладающего всеми качествами истинного лидера, – эту веру официальная пропаганда тщательно культивировала, чтобы отвлечь внимание общественности от трудностей на Западном фронте. Вскоре нация увидела в этом человеке больше чем просто успешного военного лидера. В умах людей Гинденбург стал символом государственной мощи и гарантом победы. Он вселял уверенность, столь необходимую в кризисной ситуации, которую не мог дать никто другой. Массивная фигура, спокойная сдержанность создавали впечатление непоколебимой уверенности и непререкаемого авторитета. Это ощущали все без исключения. Народу Гинденбург представлялся скалой, надежной и не подвластной разрушительным воздействиям, которую не сможет одолеть никакой враг.

В то время как создание «мифа о Гинденбурге» определенно давало большие психологические преимущества в плане влияния на массы, оно, с другой стороны, несколько усложняло положение на высшем уровне. Разделяя радость нации по поводу победы под Танненбергом, кайзер воздал Гинденбургу должные почести и присвоил ему звание генерал – полковника, а затем произвел и в фельдмаршалы. Но переменчивый, импульсивный монарх никогда не испытывал настоящей симпатии к этому неторопливому пожилому человеку; его раздражало, что Гинденбург быстро приобретает популярность, постепенно затмевающую его собственную. С течением времени проблема взаимоотношений между Гинденбургом и кайзером обострялась. Между тем положение на фронтах месяц за месяцем ухудшалось, и постепенно сформировалось убеждение, что именно победителю при Танненберге следует доверить Верховное командование вооруженными силами Германии. Растерянная и предчувствующая катастрофу страна поверила, что только Гинденбург и Людендорф сумеют дать ей победу, которая ускользнула от кайзера и его начальника штаба генерала Эриха фон Фалькенгайна. Император сколько мог сопротивлялся желанию нации. Он считал, что профессиональные качества Фалькенгайна выше, чем у тандема Гинденбург – Людендорф. Кроме того, он чувствовал, что, доверив Верховное командование этим людям, он сдаст свои позиции и нанесет ущерб собственному положению. Он опасался, что в конце концов окажется оттесненным на задний план и станет лишь номинальным главой государства. Однако события заставили его поторопиться. После серии тяжелых поражений на Западном и Восточном фронтах, последовавших весной 1916 года, настойчивые требования немедленно назначить Гинденбурга Верховным главнокомандующим немецкой армии стало невозможно игнорировать.

На огромную популярность Гинденбурга указывает и тот факт, что среди наиболее активных его сторонников были люди, желавшие, чтобы он сменил Фалькенгайна, вовсе не потому, что его лидерство могло бы обеспечить победу. Они понимали, что победа недостижима, и считали, что только он способен донести этот прискорбный факт до сознания нации, не ввергнув ее в пучину революции. Канцлер Бетман – Гольвег и другие правительственные лидеры рейха и отдельных германских земель пришли к выводу, что война не может быть выиграна военными средствами (в мимолетный момент слабости Гинденбург и сам высказал это мнение Бетману). Однако, с другой стороны, достигнутый путем переговоров мир вполне мог (и даже должен был) не оправдать возлагаемых на него надежд. Приемлемые для страны условия могли быть достигнуты только с Гинденбургом в роли Верховного главнокомандующего, его авторитет мог обеспечить наилучшее решение из всех

возможных. Эрцбергер, один из лидеров католической партии «Центра», пытаясь довести до сознания кайзера необходимость назначения Гинденбурга, дошел до того, что сообщил одному из монарших помощников следующее: с Гинденбургом на посту Фалькенгайна кайзер может себе позволить проиграть войну, поскольку назначение фельдмаршала означало бы, что он сделал все возможное. Проигрыш войны без Гинденбурга будет означать конец династии.

Вильгельм сомневался, но глас народа становился все громче и требовательнее. Дальнейшее промедление становилось смертельно опасным. Положение Фалькенгайна стало шатким, а Гинденбург был единственным возможным кандидатом на роль его преемника. В конце концов Вильгельм уступил требованиям своего штаба и своей семьи. 29 августа 1916 года Гинденбург стал начальником Генерального штаба, а Людендорф – первым генералом – квартирмейстером.

В отличие от Фалькенгайна Гинденбург стал не просто начальником Генерального штаба, то есть высшим военным советником кайзера, но и Верховным командующим, иначе говоря, был призван выполнять функции, ранее являвшиеся монаршей прерогативой. Их Гинденбург осуществлял лично от имени кайзера, номинально оставаясь подчиненным ему.

Гинденбург был необходим стране, и это дало ему власть, о которой Вильгельм даже не помышлял. Для Гинденбурга, потомственного монархиста, это мало что значило. Однако Людендорф не терял времени и поспешил воспользоваться новыми возможностями. Он настоял на принятии повышенного плана производства, который, что показательно, был назван «Программой Гинденбурга», а не «Программой кайзера Вильгельма», а также на введении закона о вспомогательной службе отечеству, полностью игнорируя нужды и реалии внутреннего положения страны. Вскоре последовало требование неограниченной подводной войны, несмотря на возражения Бетман – Гольвега о том, что такая мера без соответствующей дипломатической подготовки может привести к вступлению в войну Соединенных Штатов. Когда все же было получено высочайшее одобрение неограниченной подводной войны, Людендорф стал придумывать способ сместить Бетман – Гольвега. Генералы считали канцлера слишком слабым, всегда готовым на компромисс и потому яростно противились его попыткам повысить гражданскую активность путем проведения избирательных реформ, которые, как они заявляли, ослабят и армию, и нацию. Они предприняли решительное наступление на Бетман – Гольвега в июле 1917 года. Тот не сумел противостоять требованию рейхстага заключить

немедленный мир без аннексий. Генералы полагали, что такое требование лишь укрепит стремление противников уничтожить Германию. При поддержке растущей оппозиции Бетману в рейхстаге генералы стали угрожать отставкой, если Бетман останется на должности канцлера. Выбора у Бетмана не было – пришлось подавать в отставку, а кайзеру ничего не оставалось, как принять ее. Отставка генералов стала ненужной, так же как и отклонение их прошения, которое даже не рассматривалось.

Сам Гинденбург никогда не стал бы добиваться смещения Бетман – Гольвега, хотя не испытывал к нему особой симпатии. Людендорф и его ближайшие союзники опасались, что, если кайзер решит оставить Бетмана, Гинденбург подчинится монаршей воле. Поэтому время для финальной атаки было выбрано очень тщательно. Ее начали в июне 1917 года, то есть в самый разгар кризиса рейхстага, когда императору не осталось другой возможности – только сдаться. Генерал Людендорф подал свое прошение об отставке, и маршал, как утверждал Людендорф в своих мемуарах, присоединился к нему и подал свое. Чтобы окончательно прояснить свое положение, Людендорф намеренно допустил утечку информации о том, что дальнейших уступок не будет. Угроза возымела желаемый эффект.

После смещения Бетман – Гольвега власть Верховного командования стала практически неограниченной. Последователь Бетмана – Михаэлис был назначен только после одобрения его кандидатуры Гинденбургом и Людендорфом, а граф Гертлинг, сменивший Михаэлиса спустя всего лишь несколько месяцев, своим назначением был обязан исключительно тому, что был известен как восторженный сторонник генералов. Лица, казавшиеся генералам неподходящими, лишались своих должностей. Среди жертв был господин фон Валентини, глава гражданского кабинета кайзера, который предпринял попытки спасти некоторые из стремительно сокращающихся прерогатив кайзера. В январе 1918 года его сменил Фридрих фон Берг, твердый сторонник Гинденбурга. Рихарда фон Кюльмана, министра иностранных дел Гертлинга, реализм которого армейская верхушка сочла пораженческим, тоже вынудили уйти в отставку. Генералы без всякого стеснения вмешивались и в политические решения. Во время мирных переговоров с Россией они, снова угрожая отставкой, заставили кайзера и правительство потребовать значительно более обширных территориальных приобретений, чем последние считали целесообразным. Вильгельм сделал еще одну слабую попытку ограничить генералов военной сферой, но не слишком в этом усердствовал, поскольку осознавал свое бессилие. Судя по всему, остальные тоже это понимали, за исключением Гинденбурга, который, не будучи лично заинтересованным во власти, продолжал исправно

озвучивать требования Людендорфа и поддерживать его начинания. При этом он относился к монарху с неизменным почтением и постоянно смягчал тон писем, адресованных Вильгельму, проекты которых, составленные в весьма агрессивных выражениях, представлялись ему генералами. Он продолжал считать себя преданным слугой кайзера[5 - Когда в разгар военного кризиса – 29 сентября 1918 года – статс – секретарь фон Гинце настоятельно предложил, чтобы Гинденбург поспешил к кайзеру и потребовал немедленного начала мирных переговоров, фельдмаршал возразил, что еще только 11 часов, а его ежедневная аудиенция у его величества – в полдень.]. Создавалось впечатление, что, следуя советам Людендорфа, он не осознавал того, что постоянно посягает на права и прерогативы монарха, тем самым подрывая положение последнего.

Величие Гинденбурга во всей полноте проявилось в час поражения Германии. 29 сентября 1918 года генералы потребовали немедленного заключения перемирия, как единственного средства предотвращения военной катастрофы. Правда, через несколько дней их уверенность в способности армии противостоять натиску противника снова окрепла, и они упрекнули правительство за принятие условий, выдвинутых президентом Вильсоном в ходе переговоров. 24 октября Верховное командование издало приказ, который должен был быть зачитан во всех войсках. В нем содержалось осуждение последнего послания Вильсона и заявлялось, что немедленная эвакуация всех оккупированных территорий «неприемлема для нас, солдат». Такой ответ, как было сказано далее, «может означать только одно – продолжение борьбы всеми имеющимися в нашем распоряжении силами. Если наши враги поймут, что не смогут прорваться сквозь немецкие позиции, несмотря на многочисленные жертвы, они заключат с нами мир, гарантирующий счастливое будущее Германии и ее народу». Имелось в виду, что этот приказ, выражая взгляды правительства, укрепит его позиции на мирных переговорах. Это был, вероятно, единственный приказ по армии, подписанный Гинденбургом до одобрения его Людендорфом. Какова бы ни была его цель, он фактически означал прекращение мирных переговоров. Приказ вызвал волну ярости в правительственных кругах и подвергся резкой критике в рейхстаге. И хотя на нем стояла подпись Гинденбурга, основное недовольство адресовалось Людендорфу. Только что назначенный канцлер, принц Макс Баденский, потребовал от императора увольнения Людендорфа, но настаивал, чтобы Гинденбург остался на посту, поскольку уход маршала вверг бы армию и нацию в отчаяние. На следующий день кайзер встретился с генералами и после резкого обмена мнениями с Людендорфом освободил последнего от должности. Гинденбург наблюдал за происходящим в молчании и не сказал ни слова в

защиту своего многолетнего помощника. Он лишь подал прошение об отставке, мотивируя его нежеланием расставаться с проверенным сотрудником. Прошение было отвергнуто, и старый фельдмаршал подчинился решению кайзера.

Новость об уходе Людендорфа не вызвала волнений, поскольку Гинденбург остался на своем посту. Нация приветствовала это решение. Когда принцу Максу, совещавшемуся в это время со своими министрами, сказали об отставке Людендорфа, он первым делом спросил:

– А Гинденбург?

– Он остается.

– Слава богу!

Такова была реакция новоявленного канцлера и министров. В тот же день Густав Штреземан, лидер национал – либералов, написал своему товарищу по партии: «Надеюсь, ты согласишься со мной, если я попрошу тебя сделать все возможное, чтобы не допустить ухода Гинденбурга со своего поста. Ни при каких обстоятельствах мы не должны взять на себя ответственность перед историей за свержение Гинденбурга. Полагаю, нам легче было бы перенести отречение императора, чем уход Гинденбурга». Обзор прессы, выполненный военными, показал: все газеты, за исключением крайне левых, единодушны в том, что Гинденбург сослужит стране великую службу, оставаясь на своем посту. Даже социалистические газеты выразили радость по этому поводу, потому что, «будучи солдатом, он избегал вмешательств в политику, и можно ожидать, что будет проявлять такую же сдержанность в будущем». Также выражалось общее мнение, что, даже если фельдмаршал не одержит победу, его имя всегда будет почитаться нацией.

Гинденбург пережил поражение, не растеряв ни крупицы своей воинской славы. Этот факт представляется тем более удивительным, что он всегда неизменно подчеркивал, что ответственность за любую неудачу ложится целиком на него. К негодованию Людендорфа, он с готовностью возложил на себя и заслуги за победы армий на полях сражений, мотивируя это тем, что, являясь командиром Людендорфа, также несет бремя ответственности и за любое поражение. Но пока, перед лицом поражения, никто не упоминал об ответственности Гинденбурга, и его имидж нисколько не пострадал.

Хотя военное поражение не повлияло на популярность Гинденбурга, сыгранная им в ноябре 1918 года роль в отречении императора должна была в дальнейшем стать для него источником сильных переживаний.

В одном из посланий, которым президент Вильсон ответил на предложение немцев о перемирии и заключении мирного договора, он намекнул, что отречение императора могло бы обеспечить более благоприятные для Германии условия мира. Более того, Вильсон не оставил сомнений в том, что он не может быть полностью убежден в глубине немецких конституционных реформ, пока кайзер остается на престоле. У измученных войной народных масс постепенно сформировалось убеждение, что только высочайшая персона монарха оставалась препятствием к заключению перемирия. К концу октября 1918 года народ стал открыто требовать отречения монарха и прекращения военного противостояния.

Если Гинденбург и обращал внимание на эти требования, то попросту отбрасывал их, как фантастические и фривольные. В его мире преданного монархиста не было места подобным мыслям. Такого рода требования могли быть только махинациями презренных радикальных заговорщиков, а значит, были чем – то нереальным и недостойным внимания. Вопрос об отречении лишился ореола нереальности, когда 30 октября Вильгельм неожиданно появился в штабе Верховного командования, расположившемся на бельгийском курорте Спа, объяснив, что в период кризиса хочет быть со своей армией. Он покинул Берлин по требованию супруги и весьма немногочисленных приближенных, которые опасались, что император не устоит перед натиском народных масс, призывающих его отречься от престола. Императрице всегда очень нравился Гинденбург, который обращался к ней со своей обычной немногословной простотой, и она не сомневалась, что фельдмаршал защитит ее супруга от пагубного влияния и отговорит от отречения.

Надежда на то, что в штабе проблему отречения можно будет игнорировать, оказалась тщетной. К этому времени принц Макс был убежден, что отречение Вильгельма является первоочередной необходимостью. Чтобы спасти монархию, и кайзер, и кронпринц должны немедленно отказаться от трона. Макс Баденский отправил в Спа посланника, чтобы тот ознакомил Вильгельма с положением в стране, требовавшей его отречения. Но при поддержке Гинденбурга и Гренера, занявшего место Людендорфа, кайзер отмел все разговоры об отречении. Однако во время своего краткого пребывания в Берлине 5–6 ноября Гренер

убедился, что отречения Вильгельма избежать не удастся[6 - В действительности к этому времени вопрос пребывания Вильгельма на троне уже не стоял на повестке дня переговоров, предшествовавших мирным. 5 ноября западные державы проинформировали Германию о своей готовности вступить в переговоры о перемирии с Германией, хотя Вильгельм все еще оставался императором.]. На военно – морской базе в Киле начался мятеж, со всех концов страны поступали тревожные сообщения об отказе солдат подчиняться. К вечеру 8 ноября Гренер сумел убедить Гинденбурга, что армия больше не стоит за императора. К этому времени большинство военных гарнизонов рейха перешли на сторону революционеров, дезертирство в Льеже и Намюре стало повальным, снабжение практически прекратилось. Умеренные социалисты, желавшие сохранить монархию, если и император и кронпринц откажутся от своих прав, начали проявлять нетерпение, так и не дождавшись реакции со стороны кайзера. Их лидеры заявили, что не могут больше сдерживать своих людей. Основные силы партии были готовы объединиться с более радикальными независимыми социалистами, чтобы вместе сбросить монархию. Еще существовал слабый шанс спасти монархию, если отречение Вильгельма последует немедленно, но генералы никак не могли решиться поведать монарху о всей тяжести разразившегося кризиса.

Рано утром 9 ноября в кабинете Гинденбурга появился другой эмиссар канцлера – адмирал фон Гинце. Он доставил последние новости из столицы. Все указывало на то, что, если император немедленно не отречется от престола, грянет революция, которая сметет и его, и монархию. Гинце убедил Гинденбурга немедленно проинформировать кайзера о безнадежности положения. С тяжелым сердцем фельдмаршал отправился к императору, по пути к нему присоединился Гренер, и они предстали перед монархом вдвоем.

Гинденбург начал с просьбы позволить ему уйти в отставку. Он пожаловался, что находит невыносимой необходимость признаться своему повелителю, что больше не может выполнять его волю. Вильгельм не сказал ничего и повернулся к Гренеру. Генерал мог только подтвердить сказанное Гинденбургом. Член императорской свиты генерал – полковник фон Плессен резко возразил, его поддержал начальник штаба кронпринца граф фон дер Шуленбург, высказав уверенность, что атака на отдельные восставшие гарнизоны быстро восстановит в стране порядок. Надежные войска, после короткого отдыха, снова охотно выступят под знаменами его императорского величества[7 - А несколькими месяцами ранее именно Шуленбург предсказал гибель монархии. Генерал Людвиг Бек, начальник Генштаба сухопутных войск в 1933–1938 годах и один из ведущих участников антигитлеровского сопротивления, вспоминал, что

накануне весеннего наступления 1918 года Шуленбург сказал ему: «Попомни мои слова. В завтрашнем сражении нас ждет успех. Мы возьмем около 100 тысяч пленных и захватим одну тысячу орудий. Но в конце концов наше положение станет даже хуже, чем раньше. А шансы выиграть войну еще более уменьшатся». А 16 июля 1918 года, когда стало очевидно, что третье наступление, начавшееся за день до этого, успешным не станет, Шуленбург сказал Беку: «Вчера мы определенно проиграли войну и, вероятно, потеряли не только императора, но и монархию». При этом в ноябре Шуленбург заявляет: «Наши люди с готовностью согласятся с тезисом о том, что морской флот с его евреями – военными спекулянтами – наносит им удар в спину».]. Гинденбург и Гренер продолжали уверять, что Шуленбург жестоко ошибается, и после некоторого колебания Вильгельм с ними согласился.

Суждение Гренера было подтверждено докладом, который его помощник полковник Хейе представил тем же утром, о беседах, проведенных им с группой командиров на передовой, о моральном духе войск. Люди устали и мечтают о мире, они не желают воевать, и император не сможет повести их против революционеров. «Все, чего они хотят, – это перемирие, и чем раньше, тем лучше. Войска вернутся, соблюдая порядок, под командованием своих генералов, если прекратятся сражения». Из всего сказанного кайзеру в то утро следовало только одно: если монарх не может рассчитывать на поддержку своей армии, то он находится перед лицом революции и не должен оставаться на троне. Гренер был единственным из всех присутствующих, готовым прийти к неизбежному выводу, но он вовсе не стремился произнести его вслух. Уроженец Вюртемберга, он чувствовал, что должен предоставить прусским генералам право самим внушить монарху необходимость этого неприятного шага. Гинденбург, с другой стороны, все еще отвергал мысль об отречении, считая, что ни канцлер, ни рейхстаг не имеют права выдвигать такие требования. Но даже он, при всем своем желании, не мог закрывать глаза на тяжесть кризиса. Гинденбург признал, но так, что кайзер его не слышал, что, если армия больше не может обеспечить безопасность императора, возможно, ему следует поискать временное убежище где – нибудь за пределами страны. Лично ему наиболее приемлемым местом казалась Голландия. Во – первых, она очень близко, а во – вторых, сама является монархией, а значит, императора там примут с большей сердечностью. Он считал, что кайзер должен пребывать в этой стране временно, до тех пор пока не будет ликвидирована угроза его жизни в Германии.

Если армейская верхушка не желала взглянуть правде в глаза, то правительство не могло себе этого позволить. Утром 9 ноября канцлер вновь отправил гонцов к кайзеру, моля его отречься от престола, причем немедленно – только так можно

было спасти монархию. Один из эмиссаров в какой – то момент даже почувствовал, что Вильгельм готов сдаться, но совершенно неожиданно граф Шуленбург предложил, чтобы монарх отрекся только от престола германского императора, но остался королем Пруссии. Тогда он станет объединяющим символом для прусских вооруженных сил и предотвратит их распад.

А тем временем требования немедленного отречения, поступавшие из Берлина, становились все более настоятельными. Если иметь целью сохранение монархии, втолковывал Вильгельму принц Макс, следует действовать без промедления. Столица охвачена волнениями, радикальные элементы в любой момент могут провозгласить республику – счет уже идет на минуты, а не на часы. Перед лицом столь серьезной угрозы Вильгельм ухватился за предложение Шуленбурга и объявил о готовности отказаться от императорского трона, оставшись королем Пруссии. Гинденбург и номинально, и фактически становился Верховным главнокомандующим военными силами Германии. Никто, кроме Гренера, не подвергал этот план сомнению, хотя он был абсолютно нереальным и в политическом, и в конституционном отношении[8 - Вильгельм отнесся к такому повороту событий настолько серьезно, что в письме, написанном своей супруге в тот вечер, именовал ее «ее величеством королевой Пруссии».]. Канцлера проинформировали, что составляется проект заявления об отречении, который вскоре будет ему передан. Это сообщение в Берлине было понято неправильно, что было неизбежно, так как о частичном отречении ранее речь не шла. Принц Макс обоснованно предположил, что монарх отказывается и от императорской, и от королевской короны, и, опасаясь, что события в Берлине полностью выйдут из – под контроля, поспешно выпустил коммюнике об отречении Вильгельма от трона германского императора и короля Пруссии. Под свою ответственность он добавил и заявление о том, что кронпринц тоже отказался от своих наследственных прав на оба трона. Новости распространились слишком быстро, спасти монархию уже было невозможно. Менее чем через час лидер социалистов Филипп Шейдеман провозгласил создание демократической республики. Тем самым он предотвратил установление левыми экстремистами советской диктатуры.

А Гинденбург и Гренер тем временем вернулись в свои кабинеты. Услышав заявления канцлера и Шейдемана, они поспешно встретились с советниками императора. Они не имели возможности защитить права Вильгельма силой оружия, поэтому было решено, что монарх ограничится формальным протестом против беззаконных процедур. Чтобы избежать дальнейшей путаницы, было предложено протест пока не публиковать, а лишь поместить в безопасное место. В действительности такое решение означало принятие всего

происшедшего. Вопрос, куда отправиться императору, встал во всей остроте. Гинденбург снова указал на предпочтительность Голландии, и присутствующие с ним согласились. Адмирал Хинце получил указание уладить необходимые формальности с голландскими властями.

Около четырех часов пополудни состоялось еще одно совещание на вилле императора. Вильгельм яростно протестовал против самовольных действий канцлера и выразил желание остаться с армией. Гинденбург подвел итог дня и при поддержке всех присутствующих предложил кайзеру рассмотреть вопрос о поиске убежища в Голландии ввиду ненадежности армии. Император передал маршалу Верховное командование всеми вооруженными силами Германии, но воздержался от окончательного решения об отъезде из страны. Однако он уполномочил Хинце сделать все необходимые приготовления к отъезду и, из соображений безопасности, остался на ночь в своем поезде.

Вскоре после окончания совещания поступила информация о революционном мятеже в Спа. Помощники Вильгельма потребовали, чтобы монарх, ради своей безопасности, немедленно отбыл в Голландию. Они не посоветовались с Гинденбургом, но утверждали, и, несомненно, в это верили, что выражают его желание. Вильгельм согласился, потом передумал и решил отложить отъезд до утра. Позже, вечером, Хинце стал требовать, чтобы Вильгельм все же покинул Спа. Хинце тоже не посоветовался с Гинденбургом, но не сомневался, что маршал разделяет его озабоченность стремительно ухудшающейся обстановкой. Вильгельм был поставлен в известность о том, что ситуация выходит из – под контроля, восставшие подразделения движутся на Спа. Тот факт, что Хинце говорил от имени Гинденбурга, оказался для императора решающим. Об этом он той же ночью написал кронпринцу. Он назначил отъезд на пять часов утра, и в назначенный час императорский поезд тронулся к границе.

Гинденбург об этом почти ничего не знал. Вечером 9 ноября ему сказали, что монарх решил уезжать немедленно, и на вопрос, может ли он проститься со своим сувереном, получил ответ, что визит в такое время был бы несвоевременным. Гинденбург даже не предполагал, что император отложил отъезд. Поздно вечером поступила информация об изменении планов кайзера. В это время Гинденбург уже спал. Его помощники, очевидно, полагали, что маршал одобрит все принятые решения, и не стали его беспокоить. Когда на следующий день Гинденбург узнал об отъезде Вильгельма, тот уже находился на границе. Гинденбург принял новость спокойно, не подозревая, что она будет преследовать его всю жизнь.

С отъездом императора Гинденбург стал и номинально, и фактически главнокомандующим вооруженными силами страны. В условиях воцарившегося распада и неразберихи именно его авторитет сохранил в целости офицерский корпус. Главный вклад армии в выживание республики заключался в ассоциации с новым государством имени Гинденбурга.

Между тем именно этот факт поставил перед Гренером весьма деликатную проблему. Генерал был преисполнен решимости любой ценой сохранить главное достояние, оставшееся у Верховного командования и Германии, – личность и авторитет Гинденбурга. Позднее Гренер откровенно признал, что понимал ограниченность маршала, но был убежден, что нации более чем когда – либо необходим авторитет этого почти легендарного представителя старых прусских традиций. Положение Гинденбурга необходимо было сохранить и для выполнения будущих миссий. Если его не коснутся существующие неприятности, возможно, в один прекрасный день он станет проводником нации к будущей сильной Германии. Поэтому было очень важно, чтобы его имя осталось незапятнанным слишком тесной ассоциацией с новой республиканской властью.

По этой причине Гренер взялся за ведение всех переговоров с новым правительством, оставив Гинденбурга на заднем плане. По этой же причине Гренер предложил осуществлять руководство возвращением войск из штаба армии, а не из Берлина. Нельзя было исключить опасность того, что, вернувшись в столицу, маршал окажется вовлеченным в политические беспорядки, которыми были так богаты те тревожные дни. Гренер также всячески старался отделить имя Гинденбурга и Верховное командование армии вообще от перемирия, подписанного 11 ноября 1918 года в Компьене, недалеко от Парижа, в ставшем хорошо известным вагоне специального поезда маршала Фоша. Глава немецкой делегации, прибывшей для заключения перемирия, Эрцбергер получил указание принять тяжелые условия, поскольку дальнейшее сопротивление представлялось невозможным. Вопреки всем ожиданиям, он сумел добиться смягчения отдельных условий, и по возвращении делегации в Спа и Гинденбург, и Гренер с благодарностью признали, что Эрцбергер сослужит отечеству отличную службу. Однако то, что было сказано в тиши кабинетов, не предназначалось для широкой общественности. Гренер хранил молчание, чтобы не взваливать на маршала и Верховное командование ответственность за решение, которому предназначено было стать чрезвычайно непопулярным. Гинденбург, без сомнения, был движим теми же мотивами, но многие его приближенные чувствовали, что он не хочет выступать за Эрцбергера, человека,

не принятого консервативными националистическими группировками, к которым был близок маршал.

Чтобы особое положение и миссия Гинденбурга не подвергались сомнению, Гренер решил издать приказ, определяющий исключительный статус маршала, и в том же духе потребовал полной независимости армии от правительства и Учредительного собрания, выборы которого предстояли в ближайшем будущем.

«Фельдмаршал фон Гинденбург, – было сказано в приказе, – считает своим долгом как можно дольше охранять существование Верховного командования вооруженных сил, поддерживая его всей силой своего личного авторитета. Существование Верховного командования является жизненно необходимым, поскольку военное министерство в Берлине показало свою неспособность, под давлением обстоятельств, осуществить меры, необходимые для реорганизации армии. Являясь органом, вне правительства и Учредительного собрания, Верховное командование находится в более благоприятном положении для оказания влияния, в случае необходимости в процессе дебатов Учредительного собрания, в первую очередь на правительство. Необходимость защитить имя и достоинство фельдмаршала, являющееся символом единства нации, тем более велика, что в настоящий момент невозможно предвидеть, какие новые разрушительные элементы попытаются воздействовать на армию и народ».

Чтобы удержать Гинденбурга вне политики, Гренер разоблачал также старания всех антиреспубликанских группировок объявить маршала своим человеком. Немецкой национальной рабочей партией было сделано две попытки убедить маршала выступить в качестве ее кандидата на предстоящих выборах в Учредительное собрание. Гинденбург отказался, мотивируя свое решение тем, что, являясь главой армии, он не должен входить в какую – либо партию (но, вероятнее всего, он отклонил бы это предложение, даже будучи частным лицом). Гренер старался исключить подобные попытки в будущем, поэтому в приказе было сказано: «Имя фельдмаршала не должно использоваться в пропагандистских целях ни одной партией. Если бы маршал оказался втянутым в партийную борьбу, он неизбежно оказался бы более близким какой – то одной части нации и чуждым другой. Такого положения следует избежать. После печального исхода войны, повлиявшего на всю нацию, фельдмаршал, находясь на службе отечества, имеет моральное и историческое предназначение служить всей нации в целом, а не одной ее части».

Гренер старался удалить Гинденбурга с политической арены, но при всем своем желании он не имел возможности полностью изолировать армию от политики. Одной из его первых мер после отъезда императора стало признание мощи революционных сил путем придания им официального статуса в армии. Умело контролируемые им и правительством солдатские советы, возникавшие во всех воинских подразделениях по образцу российских советов, были значительно умереннее в требованиях, чем рабочие и солдатские советы в городах и населенных пунктах Германии. Поэтому дисциплину в войсках удавалось поддерживать без особых проблем.

Мирясь с существованием солдатских советов, Гренер неизбежно обзавелся врагами. Благодаря его опыту, осторожности и благоразумию нападки критиков были направлены только на него, обходя стороной Гинденбурга. Желая во что бы то ни стало сохранить незапятнанным имя маршала – символ мощи и единства нации, – он с готовностью мирился с этими нападками. Гинденбург же, со своей стороны, не так уж был готов стать на защиту Гренера. Он оказывал ему некоторую поддержку в личных письмах и беседах, в одной из которых сообщал, что его собственный опыт общения с солдатскими советами в армейских штабах оказался крайне неблагоприятным, но даже много лет спустя он не пожелал защитить действия Гренера публично.

В начале ноября Гинденбург и Гренер уехали из Спа, чтобы создать свой штаб на немецкой земле. Они намеревались отправиться в Хомбург, курортное место у подножия гор Таунус, расположенный недалеко от Франкфурта – на – Майне, где находился один из императорских штабов во время войны. Планы пришлось изменить, когда хомбургские рабочие и солдатские советы выдвинули требование, чтобы все члены Верховного командования, кроме Гинденбурга, которого даже они не осмеливались тревожить, сняли эполеты и сдали оружие. Совет Касселя – крупного промышленного центра – оказался более гостеприимным и с готовностью принял маршала и его штаб. Чтобы воздать ему должные почести и доставить удовольствие, к прибытию военных в город улицы были украшены традиционными прусскими черно – белыми цветами, а члены совета надели черно – белые нарукавные повязки вместо обычных красных. Прокламация, выпущенная председателем совета Альбертом Гржезински, лидером социал – демократов, впоследствии прусским министром внутренних дел, предлагала населению выказать Гинденбургу максимум уважения. «Гинденбург принадлежит немецкому народу и немецкой армии. Он привел свою армию к славным победам и не покинул своих людей в час кризиса. Еще никогда он не был ближе к нам в величии его исполненной сознанием долга службы, чем сегодня. Он под нашей защитой. Мы знаем, что и военные, и

гражданское население Касселя уважают и восхищаются этим человеком. Среди нас он в полной безопасности. Фельдмаршал носит оружие, как и все сопровождающие его офицеры».

Вероятно, самый любопытный аспект прокламации заключается в параллели, проведенной между Гинденбургом и императором, который покинул свой народ. Возможно, таким образом совет хотел произвести впечатление на твердолобых монархистов, но удалось ли им это, представляется сомнительным. Тем не менее это заявление помогло тем, кто, как Гренер, желал сфокусировать все надежды страны на Гинденбурге. И в штаб потекла полноводная река посетителей. Все желали отдать дань уважения и восхищения Гинденбургу. Маршал принимал всех, удовлетворенный тем, что его имидж не пострадал в результате военной катастрофы. Он с готовностью позволил сделать из себя символ национального единства. И все же, позволяя своим сторонникам превозносить себя, он одновременно настаивал на том, что в его отношении к монарху ничего не изменилось: он был и остался преданным слугой его императорского величества. Маршал отказался устроить штаб в Вильгельмсхоэ, расположенном за пределами Касселя, заявив, что замок принадлежит кайзеру и он не может использовать его без высочайшего позволения. Только по его настоянию штаб разместился в находящемся неподалеку неудобном и неотапливаемом отеле.

Там, в самом сердце Гессенского Бергланда, вдали от волнений, выпавших на его долю в Спа, Гинденбург обрел покой. Вместе с преданным Гренером, успевавшим все, Гинденбург выполнял необременительные обязанности, оставлявшие достаточно времени для длительных прогулок по живописным окрестностям императорского замка. После физического и умственного напряжения, не покидавшего его на протяжении последних двух месяцев, старый маршал наконец сумел расслабиться.

Правда, иногда Гренеру все же требовалась помощь Гинденбурга. Одной из самых важных задач, стоявших перед армией, стало обеспечить контроль над Берлином со стороны умеренных социалистов большинства. Однако берлинские солдатские и рабочие советы настаивали, чтобы войска вошли в столицу без оружия. Эберт, желавший избежать столкновения между армией и советами, медлил. Но Гренер не мог ждать. Если его войскам предстояло восстановить в столице порядок, это следовало делать очень быстро, промедление было смерти подобно. Немедленные действия представлялись настолько важными, что он попросил Гинденбурга временно отказаться от его обычной позиции стороннего наблюдателя и лично обратиться к Эберту. Маршал согласился.

Проект письма, которое Гинденбург направил Эберту, был составлен Гренером с величайшей тщательностью и осторожностью. Учитывая антиреспубликанский настрой офицерского корпуса, найти верный тон этого документа оказалось большой проблемой.

Необходимо было получить согласие Эберта на ввод в Берлин полностью вооруженных дивизий, но одновременно текст письма должен быть составлен в таких выражениях, чтобы обезопасить маршала от возможных обвинений в заискивании перед лидером социалистов. Гренер справился с обеими задачами с обычной ловкостью. Вначале Гинденбург с явной снисходительностью мотивировал свое обращение к Эберту следующим образом: «Мне сказали, что вы тоже, будучи лояльным немцем, любите отечество превыше всего и готовы забыть все личные желания, как это сделал я, чтобы справиться с кризисной ситуацией. Поэтому я объединяю свои силы с вашими, чтобы спасти наш народ от угрожающей ему катастрофы». Офицерский корпус, следовало далее, предоставил себя в распоряжение нового правительства, чтобы надзирать за упорядоченным выводом и демобилизацией войск, но за свою преданную службу получил не благодарность и признание, а беспокойство и оскорбления. Декрет, которым правительство предоставило солдатским советам чисто совещательную роль, игнорируется. «Совершенно очевидно, что мы можем изменить эту обстановку, только если в распоряжении правительства будет некий орган принуждения, способный обеспечить выполнение указов. В создавшихся обстоятельствах эта задача по силам только армии – армии, основанной на твердой дисциплине». Поэтому правительству необходимо подтвердить новым декретом, что все командные функции остаются исключительно у военных властей. Солдатские советы должны быть распущены, хотя они могут назначить своих представителей для осуществления связи между офицерами и солдатами и выполнения информационных функций. Кроме того, необходимо принять меры, обеспечивающие офицерам должное уважение на службе и вне ее.

Выходя за рамки чисто военной сферы, Гинденбург (и Гренер) также призывал к созыву Национального собрания уже в декабре. Гренер ранее уже пытался добиться отзыва депутатов рейхстага в надежде, что его буржуазные элементы могут быть мобилизованы на сдерживание распространения влияния социалистов. Он потерпел неудачу, но теперь надеялся повернуть социалистическую волну вспять с помощью Национального собрания. Письмо Гинденбурга заканчивалось в том же снисходительном тоне, в каком и начиналось:

«<Судьба немецкого народа в ваших руках. От вашего решения зависит, вернет ли Германия себе былое величие. Я готов, а вместе со мной и вся армия, оказать вам неограниченную помощь. Мы все знаем, что после прискорбного окончания войны рейх должен быть построен на новом фундаменте и в новых формах. Мы стремимся не позволить задержать возрождение государства на поколение или даже больше, что непременно произойдет, если разрешить слепоте и глупости уничтожить все основы нашей социальной и экономической жизни.

Я знаю, что радикалы нападают на меня, голословно утверждая, что я вмешиваюсь в политику. Но я сердцем чувствую, что должен поднять в разговоре с вами эти вопросы. Желаю вам силы и уверенности в дальнейших действиях».

Ответ Эберта был весьма уклончив, когда же Гренер пригрозил, что будет действовать по своему усмотрению, было получено разрешение на ввод войск в столицу при полном вооружении. Однако сразу же возникли трудности. Через несколько дней после входа войск в Берлин там собрался Первый национальный съезд рабочих и солдатских советов. Основная часть делегатов принадлежала к умеренным социалистам большинства, независимые социалисты контролировали не более двадцати процентов голосов, а спартаковцев представляла лишь жалкая кучка делегатов. Не обошлось без бурных выступлений, но большинство делегатов, желая восстановить нормальные условия существования и законность, приняли решение провести выборы в Национальное Учредительное собрание в течение месяца. Избранный центральный совет был уполномочен осуществлять надзор за политикой правительства, не вмешиваясь при этом в ее осуществление.

Съезд проявил умеренность в политических вопросах, зато оппозиция взяла свое, когда дело дошло до вопросов военных. Прорвалась застарелая ненависть солдат к офицерскому корпусу, ожила горькая память об оскорблениях, унижениях, плохом обращении. Оппоненты в политических вопросах оказались едиными в общем недоверии к касте военных. Ораторы один за другим выражали свое недовольство сотрудничеством правительства с Верховным командованием. Это было отражением небезосновательного опасения того, что такое сотрудничество приведет к подавлению нового демократического государства силами военных. Съезд принял резолюцию, призывающую сместить Верховное командование. После этого была принята программа, состоявшая из восьми пунктов, направленная на охрану завоеваний новой республики. Правительство, оставаясь под надзором центрального совета, должно было

взять на себя командование армией и военно – морским флотом; авторитет солдатских советов должны были признать все без исключения офицеры и солдаты, «чтобы обеспечить достижение целей социалистической революции». Упразднялись все знаки различия; солдатам, не занятым исполнением служебных обязанностей, запрещалось носить оружие. В заключение указывалось, что армию следует как можно быстрее заменить народной милицией. Эберт, оставшийся в очевидном меньшинстве, беспомощно наблюдал, как депутаты разрушают его ценное соглашение с Гренером.

Реакция Верховного командования была скорой и жесткой. Эберт был уведомлен, что ни Гинденбург, ни Гренер не признают резолюции съезда и намерены сражаться «<до последнего патрона». Если правительство отождествляет себя с политикой съезда, генералы немедленно подают в отставку. Гинденбург также уведомил все военные подразделения, что он не признает принятую съездом программу. Гарантируя длительную поддержку правительству Эберта, он требовал оградить военное командование от вмешательства советов. Вскоре после этого Гренер и один из его помощников, майор Курт фон Шлейхер, встретились с правительством и представителями советов. Угроза Гинденбурга уйти в отставку возымела действие. Гренер получил заверения в том, что резолюции не будут выполнены, и программа съезда была тихо положена под сукно.

Гренеру удалось добиться решающего успеха. Именно благодаря ему начался упадок советов и укрепление особого статуса армии. Но в тот момент победа казалась не слишком значимой. Спустя четыре дня после встречи с республиканскими лидерами Гренер, по просьбе Эберта, приказал войскам очистить Берлин от радикальных элементов, терроризирующих столицу. Попытка с позором провалилась. Из десяти дивизий, введенных в Берлин 11 декабря, основная масса «растаяла», 24 декабря командование сумело собрать лишь 800 человек для выполнения этой важнейшей задачи. После незначительного начального успеха они оказались в окружении враждебно настроенной толпы, оперативно собранной независимыми и спартаковцами. Полностью деморализованные солдаты сдались. Многие перешли на сторону оппозиции, а остальные побросали оружие и разбежались. Таким образом, в первой схватке с противоборствующими силами армия потерпела унизительное поражение.

К счастью и для военных, и для правительства, победители оказались не готовы развить успех. Раздираемые междоусобными противоречиями, они упустили

момент, когда могли бы без особого труда захватить власть. Их пассивность помогла правительству и армии оправиться от неожиданного и столь досадного провала. Через несколько дней независимые сделали еще один шаг назад, выйдя из правительства в порядке протеста против решения Эберта привлечь армию к подавлению деятельности радикальных экстремистов. Социалисты большинства теперь полностью контролировали правительство, заполнив все вакансии своими единомышленниками.

Среди новых членов был Густав Носке, проверенный временем военный эксперт социалистов. Поставленный во главе национальной обороны, он был убежден, что для прекращения распространяющегося хаоса необходимы решительные меры, и был готов их применить. Именно он, а не Гинденбург и Гренер, в следующие недели спас правительство и нацию от сотрясающих страну беспорядков. Это ему удалось с помощью только что организованных добровольческих групп, входящих в так называемый фрайкор, свободный корпус, которые предоставили себя в его распоряжение и которые он вооружил и расширил.

Такое положение вполне устраивало Гренера. Он не хотел втягивать Верховное командование во внутренние конфликты, имея целью «сохранить его для решения более важных задач в будущем», и потому приветствовал назначение Носке, который горел желанием взвалить на себя весь груз ответственности. «Все меры, – вспоминал спустя двадцать лет Гренер, – проводились после консультаций с Верховным командованием. Но именно Носке, вскоре ставший министром рейхсвера, осуществлял общее руководство и нес ответственность перед правительством и народом».

Носке знал свое дело, и к середине января 1919 года его силы восстановили правительственный контроль в столице. После этого левые радикалы были довольно быстро устранены отовсюду, где они успели обосноваться или пытались это сделать. Отряды действовали жестко и далеко не всегда дозволенными методами, встречая лишь слабое противодействие. В Рурской области их грубость вызвала всеобщее ожесточение. К маю 1919 года сила левых радикалов была сломлена, но ценой массового кровопролития и углубления социальных противоречий.

Учитывая, что Носке активно восстанавливал порядок внутри страны, Верховное командование получило возможность посвятить себя задаче столь же важной, но, в плане внутренней ситуации, менее взрывоопасной – обороне восточных

границ Германии от притязаний Польши. В конце 1918 года Гинденбург издал обращение, в котором настаивал на организации добровольческого корпуса для защиты восточных территорий. Он сделал это вопреки действиям правительства, пытавшегося прийти к мирному урегулированию с поляками. Гинденбург чувствовал свою личную ответственность за эту проблему, поскольку центром борьбы стал его родной город Позен, где поляки поднялись против немцев. Большое число волонтеров откликнулось на призыв Гинденбурга, но они прибыли слишком поздно, чтобы спасти Позен. Польское восстание стремительно распространялось, и вскоре вся провинция оказалась под контролем Польши.

Верховное командование, нисколько не смутившись, перешло к составлению планов повторного захвата потерянных территорий. К этому времени вывод войск из Франции и Бельгии был уже завершен. Поскольку не было никакой необходимости оставаться в Западной Германии, Гинденбург и Гренер перевели свой штаб в Кольберг – морской курорт на балтийском побережье, чтобы быть ближе к месту проведения новых операций. Гинденбург прибыл в Кольберг 14 февраля и уже на следующий день издал еще одно обращение, призывавшее к введению дополнительных воинских подразделений в Восточную Пруссию и Силезию. Но он снова потерпел неудачу, пытаясь вернуть Позен. Поляки обратились за помощью к союзникам, и 16 февраля, то есть через два дня после переезда Гинденбурга в Кольберг, маршал Фош предъявил немецкому правительству ультиматум, требуя немедленного прекращения всех военных операций против Позена. У правительства не было выбора, пришлось подчиниться требованию Фоша, тем более что Верховное командование не могло пойти на риск возобновления военного противостояния. Теперь ему оставалось только организовывать защиту восточных территорий, пока остававшихся у немцев. Гренер занялся этим со своим обычным рвением, показав немалые организационные способности. Он также не обделял своим вниманием операции немецкого фрайкора в Прибалтике. Под предлогом вытеснения русских эти силы рассчитывали захватить земли для поселения. Но Гренер довольно скоро лишился иллюзий относительно этого сомнительного предприятия и начал, не слишком, впрочем, усердствуя, обдумывать способы выхода из игры с минимальными потерями.

Беспокойной зимой 1918/19 года личная жизнь Гинденбурга текла тихо и размеренно, по крайней мере внешне. По утрам он занимался ежедневными текущими делами, совещался с Гренером, принимал посетителей, работал с

корреспонденцией, подписывал официальные документы. Но под маской внешней безмятежности Гинденбург боролся с собственными проблемами, которые казались ему ничуть не менее тяжелыми, чем проблемы страны. Решение остаться в армии далось ему нелегко, но он чувствовал себя связанным императорскими приказами. Когда же 28 ноября 1918 года император формально отрекся от престола, Гинденбург потребовал от официальных лиц и солдат безусловной помощи новому режиму в его попытках защитить немецкий народ «от угрожающих ему опасностей анархии, голода и иностранного господства». Таким образом, пойдя на сотрудничество с Эбертом, он все еще выполнял приказ своего суверена. Многие из его коллег – генералов проигнорировали пожелания бывшего монарха и оставили действительную службу, довольно скоро превратившись в открытых врагов ненавидимой ими республики, которой Гинденбург продолжал служить. Он понимал, что они нашли легкий выход из положения, в то время как он выполнял свой долг. И старому маршалу было больно видеть, как те, кто был близок ему по духу, профессии и социальному положению, смотрели на него с подозрением и недоверием.

Неловкость возросла, когда ведущая монархистская газета «Кройццайтунг» в январе 1919 года атаковала Гренера, обвинив его в революционных симпатиях и оппортунизме. Гинденбург чувствовал, что подобные обвинения в той же степени относятся к нему, как и к его надежному помощнику. Спустя несколько дней граф Куно Вестарп, бывший лидер консерваторов в рейхстаге, поднял вопрос о том, проявило ли Верховное командование достаточную энергию, защищая армию и офицерский корпус от революционного влияния. Гинденбург отверг обвинения Вестарпа, подчеркнув, что он остался на своем посту только по приказу «его величества, моего короля и хозяина». Он добавил, что пошел на это ценой большой личной жертвы, и с гордостью зачитал телеграмму, присланную ему монархом несколькими днями ранее: «Да благословит вас Бог, мой дорогой фельдмаршал, за вашу неустанную преданную работу на благо нашей немецкой родины». Это признание, заявил Гинденбург, является для него лучшей наградой, и прибавил, что, хотя он считает себя правым, оставшись на посту, он может покинуть его в любой момент, как только найдется кто – то, готовый «взять на себя ответственность перед историей и королем». Но даже одобрение кайзера не могло полностью ликвидировать сомнения Гинденбурга относительно роли, которую он играл. Спустя много лет он назовет зиму и весну 1918–1919 года периодом своего «мученичества» и всегда будет стараться объяснить, что остался во главе армии только «по приказу его величества и из любви к родине».

Еще две проблемы тревожили маршала. С того октябрьского дня, когда разошлись пути его и Людендорфа, их отношения оставались натянутыми. Людендорфа привела в негодование неспособность Гинденбурга защитить его на последнем совещании у кайзера. Его возмущение еще более усилилось, когда маршал еще раз, уже в ноябре, не пожелал защитить его от нападок в прессе за ту роль, которую он сыграл во время переговоров, предшествовавших мирным. В середине ноября 1918 года генерал Людендорф, опасаясь за свою жизнь, покинул Германию и провел три месяца в Швеции. В период этой добровольной ссылки он начал писать военные мемуары, в которых дал волю своему гневу. Друзья с большим трудом уговорили его убрать из текста упоминания о замедленном мышлении Гинденбурга и отсутствии у него чутья. В феврале 1919 года Людендорф снова стал объектом публичных нападок: во время дебатов в Национальном собрании Шейдеман, ставший министром – президентом нового правительства рейха, обвинил его в нечестной игре. Гинденбург направил Шейдеману письмо, в котором выразил протест против голословных обвинений в адрес своего преданного сторонника. Он назвал Людендорфа «ревностным патриотом, который, что бы ни делал, всегда принимал близко к сердцу интересы нации», и указал, что разделяет ответственность за его действия. Шейдеман повторил выдвинутые им против Людендорфа обвинения на следующих дебатах, но в личном послании заверил маршала в своем глубочайшем уважении и выразил сожаление по поводу того, что Гинденбург счел критику Людендорфа направленной в его адрес. Когда же помощник Людендорфа обратился к Гинденбургу с просьбой опровергнуть обвинения публично, маршал заколебался. Он заявил, что момент крайне неудачен для подобных публичных выступлений, хотя и позволил опубликовать свою переписку с Шейдеманом. Он мотивировал свою сдержанность тем, что должен поддерживать создаваемый для него Гренером имидж человека, стоящего вне партий.

Через несколько недель было организовано примирение между старыми соратниками. Людендорф считал, что первый шаг должен сделать Гинденбург, и предложил, что послание по поводу предстоящего дня рождения было бы приемлемым жестом. Желая урегулировать проблему, Гинденбург написал генералу письмо, в котором просил забыть о возникшем между ними «(непонимании». Людендорф принял протянутую ему руку. Во второй половине 1919 года, оставив действительную службу, Гинденбург опубликовал короткое заявление, в котором брал на себя всю полноту ответственности за решения Верховного командования. «Генерал Людендорф всегда действовал в полном согласии со мной». А памятуя об особом положении, которое он занимал в сердцах своих соотечественников, он добавил предупреждение, которое,

впрочем, вряд ли успокоило Людендорфа: «Любые нападки на генерала Людендорфа есть нападки на меня».

Разногласия с Людендорфом были урегулированы сравнительно легко, а вот проблема взаимоотношений с бывшим императором столь легкому решению не поддавалась. Из своей голландской ссылки Вильгельм внимательно следил за публичными дебатами, развернувшимися вокруг его роли в судьбоносный день 9 ноября и мотивов, заставивших его искать убежище в Голландии. Он не мог не заметить, что быстрее всего распространяется мнение о том, что император трусливо бросил армию и страну в час кризиса. Это его искренне тревожило, причем не только потому, что он считал подобное утверждение неправдой и оскорблением. Он понимал, что, если оно не изменится, причем немедленно, путь обратно на трон будет для него закрыт навсегда. Посему Вильгельм считал чрезвычайно важным, чтобы все те, кто советовал ему уехать в Голландию, открыто заявили об этом. Ему особенно хотелось, чтобы Гинденбург публично признался, как настоятельно советовал императору незамедлительно покинуть страну. Учитывая высочайший престиж маршала, такое заявление имело бы особый вес и могло бы реабилитировать ссыльного кайзера. Вильгельма чрезвычайно возмущало молчание Гинденбурга. Если кто – нибудь и потрудился разъяснить кайзеру причины такого поведения маршала, он вряд ли сумел бы должным образом их оценить. Вероятнее всего, в его поведении присутствовал и элемент зависти к Гинденбургу. Он, безусловно, слышал о непрекращающемся потоке делегаций, совершавших паломничество в штаб маршала. Поэтому Вильгельм вполне мог видеть в Гинденбурге опасного соперника, популярность которого следовало срочно ограничить.

В середине марта Гинденбург, очевидно, в ответ на просьбы императора, отказался от позиции умолчания, которую до сих пор занимал. Он опубликовал заявление, в котором, «чтобы предотвратить возможные недоразумения», разъяснял, «почему кайзер уехал в Голландию». Он в нескольких словах обрисовал политическую и военную ситуацию, каковой она представлялась 9 ноября, и указал, почему кайзер не мог вернуться в Германию или искать смерти на полях сражений. Далее в заявлении было сказано: «В конце концов кайзер покинул страну. Он избрал этот путь в соответствии с рекомендациями своих советников после долгих и мучительных раздумий, в надежде таким образом сослужить своей стране хорошую службу, избавить Германию от дальнейших потерь, трудностей и лишений, вернув ей мир, спокойствие и порядок. То, что император ошибся в своих надеждах, не является виной его величества».

Документ, совершенно очевидно, преуменьшал роль советников кайзера, но тот факт, что в нем ничего не было сказано о поведении самого Гинденбурга в те судьбоносные часы, явился для бывшего монарха самым большим разочарованием. Он также не удовлетворил тех, кто, как, например, граф Шуленбург, 9 ноября занимал другую позицию – сразу после того судьбоносного дня Шуленбург составил меморандум, в котором утверждал, что Гинденбург и Гренер с самого раннего утра настойчиво требовали отречения императора, вопреки его, Шуленбурга, мнению, которое было совершенно иным. Этот меморандум попал в прессу, после чего Гинденбург опубликовал свой ответ, в котором подвергал сомнению компетентность генерала Шуленбурга как свидетеля, поскольку тот «был не в полной мере информирован о действительном положении дел». Поскольку Гинденбург не хотел оказаться втянутым в публичную дискуссию, он предпочел публично не чернить Шуленбурга. Однако в частном порядке он сделал заявление, в котором, «чтобы устранить, в процессе оправданной самообороны, ошибки, вполне понятные и объяснимые в тяжелый момент, но которые могут также привести к нежелательному и неточному суждению обо мне и моем окружении», дал более резкую характеристику утверждениям Шуленбурга.

После дальнейшего «обмена мнениями», в котором к Шуленбургу присоединились Плессен, Хинце и генерал фон Маршалл, глава военного кабинета кайзера, была достигнута договоренность о совместном протоколе, для написания которого было решено привлечь графа Вестарпа. Составление нового меморандума заняло несколько месяцев и было завершено только в июле, причем после интенсивной переписки и нескольких совещаний. Почти по всем пунктам этот протокол оказался ближе к версии Гинденбурга, чем к оценке событий его оппонентами. Маршаллу удалось добиться ликвидации всех упоминаний о том, что он советовал Вильгельму отречься от престола и отбыть в Голландию. Не принял он на себя и единоличную ответственность за данный совет. После продолжительных переговоров в документе была оставлена только одна фраза: на совещании у императора вечером 9 ноября «фельдмаршал, опираясь на предыдущие рассуждения и в согласии с мнением представителя министерства иностранных дел, господина фон Хинце и других присутствовавших советников, предложил в качестве крайней меры переезд в нейтральную страну и упомянул, что вполне подходящей является Голландия. Но пока окончательное решение принято не было».

Версии Гинденбурга была суждена недолгая жизнь. Шуленбург и Плессен опубликовали дополнительные заявления, в которых излагали свою оценку роли Гинденбурга, иначе говоря, ставя под сомнение правдивость маршала. И кайзер,

со своей стороны, продолжал настаивать на том, что Гинденбург должен публично признать свою решающую роль в событиях 9 ноября. Лишь по прошествии трех лет, в июле 1922 года, Гинденбург написал бывшему монарху письмо, немедленно опубликованное всеми находящимися в пределах досягаемости газетами. Он заявил, что вечером 9 ноября «<рекомендовал от имени всех нас крайнюю меру, которую я тогда считал временной, – отъезд в Голландию». Он добавил, что, по его убеждению, император ни за что бы не уехал, если бы не думал, что он, Гинденбург, как глава Генерального штаба, считал этот отъезд отвечающим интересам монархии и отечества.

Дискуссия очень тяжело отразилась на Гинденбурге. Вестарп, посетивший его в Кольберге, заметил, какое глубокое впечатление произвело на него все происходящее. Позже маршал пожаловался Плессену, что эта дискуссия подорвала его здоровье. Раздираемый сознанием офицерского долга и чувством реализма, он ощущал слабость и неуверенность. Он был убежден, как и раньше, что отъезд кайзера был единственно возможным выходом из сложившейся безнадежной ситуации, но не хотел объявлять об этом публично. Не мог он заставить себя, даже сохраняя преданность бывшему суверену, взять на себя всю полноту ответственности за его отъезд, прикрыв тем самым монарха от обвинений в трусости и дезертирстве.

В действительности чашу весов, конечно, склонила позиция Гинденбурга. 30 октября Вильгельм прибыл в Генеральный штаб в поисках защиты от революционных сил, но вынужден был уехать, поскольку Гинденбург и Гренер больше не могли обеспечить ему такой защиты. Другие тоже советовали ему уехать, но их слова имели вес только как дополнение к позиции двух генералов. Так что кайзер обоснованно считал совет Гинденбурга решающим. Такого же мнения была и его свита.

Можно считать установленным, что именно мнение маршала подтолкнуло императора к отъезду в Голландию, но остается открытым вопрос: вправе ли Вильгельм возлагать на старика всю ответственность за этот отъезд? Бывший монарх настаивал, что Гинденбург вынудил его уехать, заявив, что только так можно спасти страну от ужасов гражданской войны. Строго говоря, это не так. У императора были и другие возможности. Он мог остаться, рискуя погибнуть, быть взятым в плен или оказаться перед судом революционного трибунала. Кроме того, он мог покончить жизнь самоубийством. Если он решил уехать, то это было только его решение, и только он нес за него ответственность.

Если такая мысль и приходила в голову Гинденбургу, то он никогда и ни с кем ею не делился. Он считал неприличным вступать в полемику лично с монархом относительно событий 9 ноября. Возможно, даже он в минуты откровенности признавался самому себе, что на месте Вильгельма повел бы себя так же. Ведь, стараясь переложить ответственность на его плечи, кайзер делает не то же самое, что и он сам делал в отношении Людендорфа, а потом Гренера?

Прошлое никак не отпускало маршала, но и настоящее нельзя было игнорировать. 19 января 1919 года были проведены выборы в Национальное собрание, которому следовало составить проект конституции новой республики. Результаты выборов были во многих отношениях неубедительными: большинство рабочих поддержали социалистов большинства. Эта партия получила 163 места. Придерживающиеся более радикальных взглядов независимые социалисты получили 22 места, а спартаковцы, переименованные в коммунистов, в выборах не участвовали. Имея 185 (из 421) мест, социалистические партии не обеспечили себе большинства в собрании. С другой стороны, буржуазия получила большинство – 236 мест, но она была расколота на четыре главные партии: левые демократы, католики партии «Центра», правая немецкая народная партия и реакционная немецкая национальная народная партия. Демократы и значительная часть партии «Центра» поддерживали республику, две правые группировки отдавали предпочтение реставрации монархии.

Сколь различными ни были предпочтения электората в других отношениях, большинство избирателей проголосовали за республику. Созданное в феврале 1919 года правительство состояло из коалиции социал – демократов, демократов и центристов. Его члены имели разные взгляды на социальную, культурную и экономическую политику, но все они верили в принципы политической демократии и были преисполнены решимости выполнить свою работу.

Насколько внимательно следил Гинденбург за развитием событий, сказать трудно. Однако представляется маловероятным, что он проявлял нечто большее, чем поверхностный интерес к веймарским делам. Это объяснялось его антипатией к политике и недоверием к парламентской деятельности. К тому же его постоянного внимания требовало затянувшееся обсуждение вопроса об отъезде кайзера в Голландию. В 1925 году он был выдвинут кандидатом в президенты, после чего изучил конституцию и откровенно признал, что ранее не

был знаком с этим документом.

То, что он узнавал о деятельности Национального собрания в Веймаре, должно быть, внушало ему серьезные опасения. Очевидная поддержка большинством депутатов республиканской формы правления не сулила ничего хорошего процессу восстановления монархии. Требование большого числа депутатов принять цвета старого либерального движения и революции 1848 года (черный, красный и золотой) в качестве национальных цветов новой Германии (вместо имперского черного, белого и красного), без сомнения, потрясло маршала до глубины души. Кроме того, не обошлось без досадной критики старой армии и германского милитаризма, которая не могла его не задеть. С другой стороны, события, касающиеся лично его, складывались вполне благоприятно. Эберт был избран президентом новой республики на основе временной конституции, принятой на одной из первых сессий собрания. Носке стал министром обороны в новом правительстве, сменившем совет народных уполномоченных. Занимая такие посты, эти люди могли обеспечить сотрудничество между Верховным командованием и правительством. Сам Гинденбург был упомянут как возможный кандидат на пост президента, но реакция собрания была настолько ошеломляюще отрицательной, что идея сразу же отпала.

В конце февраля собрание приступило к обсуждению создания новой регулярной армии. Был поспешно принят закон о создании временного рейхсвера – кроме независимых социалистов, все согласились с тем, что в этом вопросе скорость играет немаловажную роль. Закон провозглашал создание армии «на демократической основе», но, поскольку последовавший за ним исполнительный декрет закрепил, как и прежде, право назначения, выдвижения, перевода и увольнения офицеров до чина полковника за военными властями, перспектива истинной демократии представлялась весьма сомнительной. Однако, кроме независимых, эта проблема никого не волновала. Специальные мероприятия касались Гинденбурга и сил, находящихся под его командованием: его штаб сохранил название (к тому времени ставшее анахронизмом) Верховного командования и должен был подчиняться непосредственно президенту рейха Эберту, при этом Носке выполнял функции посредника. Еще одним декретом Эберт передал Гинденбургу всю полноту власти над подразделениями, находящимися в его юрисдикции. Таким образом, джентльменское соглашение между Эбертом и Гренером сохранило силу, и Гинденбург был избавлен от позора, связанного с получением приказов от парламентского правительства. Такое положение дел было неконституционным, поскольку статья 8 временной конституции предусматривала подчинение Верховного командования правительству рейха. Но Гренер, как всегда старавшийся защитить маршала от

отождествления с новым режимом, настаивал именно на таком решении и добился своего.

Ему пошли навстречу, поскольку республика все еще отчаянно нуждалась в Гинденбурге, его имени и поддержке. За всеми планами и надеждами на будущее маячил вопрос об условиях мирного урегулирования, которые Германия будет вынуждена принять. Правительство узнало из прессы и от своих агентов, что договор, проект которого составлялся в Париже, будет значительно тяжелее, чем можно было ожидать, опираясь на достигнутое в предшествующих переговорах соглашение принять за основу четырнадцать пунктов президента Вильсона. И здесь авторитет Гинденбурга мог облегчить потрясение нации от этого шока.

Условия, поставленные Германии в Версале 7 мая 1919 года, действительно явились сокрушающим ударом для большинства немцев, а тот факт, что они не подлежали обсуждению, явился дополнительным унижением. И если все условия были очень тяжелыми, самыми оскорбительными оказались так называемые Schmachparagraphen – позорные статьи. В них требовалась экстрадиция Вильгельма II и его военных советников для предания их суду международного трибунала как военных преступников, а также признавалась вина Германии за весь ущерб и потери, понесенные рядом стран вследствие войны, «навязанной им Германией и ее союзниками». Именно статья о вине Германии более чем любая другая превращала вопрос о принятии или непринятии договора в политический.

Первой реакцией немцев было отказаться подписывать договор, но затем здравый подход возобладал. Отказ имел бы смысл только при возможности военного сопротивления, поскольку мало кто был готов терпеть оккупацию союзниками всей территории Германии, которая неизбежно должна была последовать за неподписанием договора. Правительство обратилось за советом к Верховному командованию. Перспективы представлялись неблагоприятными: нация не могла продолжать сопротивление, ее материальные и моральные ресурсы были исчерпаны. Оружие и боеприпасы были сданы, как это предусматривалось соглашением о перемирии, а отсутствие материальной части и имущества исключало привлечение и оснащение любых других сил, помимо уже действующих. Опрос командиров, проведенный Гренером, подтвердил, что очень немногие солдаты готовы снова взяться за оружие. Только в восточных провинциях наблюдалась готовность сражаться с поляками. Но если военное сопротивление имело некоторые шансы на временный успех на востоке, на

западе оно было исключено. Гренер был вынужден сделать вывод, что возобновление военных действий может привести только к уничтожению Германии как единого государства и ее распаду на отдельные территории. Этого он не желал допустить, поскольку такой распад навсегда закрыл бы дорогу к возрождению величия Германии.

Все это Гренер доложил Гинденбургу. «(Конечно, легче всего заявить, что офицер не должен идти на компромисс в вопросах, затрагивающих его воинскую и национальную честь. Но лично я убежден, что в жизни людей бывают моменты, когда непозволительно приносить себя в жертву соображениям чести, когда самосохранение становится главной исторической необходимостью. Я намерен действовать в соответствии с этим убеждением». Гренер собирался в Веймар на совещание с правительством и обратился к Гинденбургу, чтобы узнать его мнение.

Гинденбург знал, что значительная часть офицерского корпуса настаивает, именно из соображений чести, на защите с оружием в руках по крайней мере восточных территорий Германии. В то же время маршал понимал, что Гренер прав и возобновление военного противостояния является бессмысленным, не имеет надежды на успех и может привести только к распаду государства. Но что подумают его коллеги – офицеры и, главное, его величество император, если он согласится на подписание договора, требовавшего признания вины Германии в развязывании войны и выдачи монарха, как обычного преступника? В тот момент маршал снова пытался отвергнуть обвинения Шуленбурга, Плессена и иже с ними, утверждавших, что он не защитил честь армии в день отречения императора. Если он согласится с Гренером, не откроет ли это его для новых обвинений в непрусском поведении? Да и страна, как ему казалось, ожидала от него возобновления борьбы, о чем говорили тысячи писем и телеграмм, поступавших в его штаб.

Трезвый реализм Гренера произвел впечатление, да и здравый смысл всегда был свойственен маршалу. Однако принятие им предложения Гренера сопровождалось некоторыми оговорками. «В принципе я с вами согласен и ничего не имею против признания этого публично. Но я не могу и не хочу отказываться от взглядов, которыми руководствовался всю жизнь. Если правительство поинтересуется моей точкой зрения, пожалуйста, передайте им это послание:

«В случае возобновления противостояния нам предстоит на востоке вернуть себе провинцию Позен и организовать защиту своих границ. На западе, ввиду численного превосходства стран Антанты и имеющейся у них возможности обойти нас с обоих флангов, мы не можем рассчитывать на успешное отражение наступления наших противников.

Поэтому благоприятный исход наших военных операций представляется мне в высшей степени сомнительным, но, являясь солдатом, я предпочту славную гибель в бою подписанию унизительного мира».

В своих мемуарах Гренер выдвигает предположение, что, если бы военные действия возобновились, маршал вполне мог принять командование войсками на передовой. Такие планы вроде бы составлялись, и генерал фон Зект был избран на должность начальника штаба маршала.

В Веймаре Гренер столкнулся с нерешительностью и растерянностью. За два дня до его приезда союзники направили Германии новую ноту. В ней содержались некоторые изменения первоначальных условий и предупреждение, что больше никаких уступок не будет. Союзники предлагали принять договор до 24 июня и угрожали, что в случае непринятия договора прибегнут к силе. Правительство пребывало в нерешительности относительно выбора дальнейшего курса: проведенное 19 июня голосование показало, что 8 его членов предпочитают отказ, а 6 – согласие. Осознав свою неспособность принять решение, министры в тот же день подали в отставку.

Если среди политиков Гренер встретил разброд и шатание, то военные лидеры были настроены весьма решительно. После беседы с генералами выяснилось, что они готовы вновь взяться за оружие, причем независимо от решения правительства. Он с тревогой обнаружил, что они могут сдать Западную Германию и ограничиться защитой восточных территорий за Эльбой. «Старая Пруссия, – объявил генерал фон Рейнхардт, – должна стать сердцем нового рейха». Гренер мог только покачать головой, видя этот нелепый романтизм старых военных, которые собирались питать свою силу памятью Фридриха Великого и намеревались отдать промышленную мощь Рейнской и Рурской областей союзникам. Но встреча с гражданскими лидерами, происшедшая в этот же день, быстро остудила пыл военных. Представители Силезии и Восточной Пруссии, ранее кричавшие о необходимости вооруженного сопротивления, теперь признали, что народ устал от войны и возобновление военных действий найдет поддержку населения, только если правительство открыто отвергнет

договор. Когда на следующий день Гренер встретился с Эбертом, чтобы передать послание Гинденбурга, он был убежден, что его оценка ситуации верна. Выполнив свою миссию, он вернулся в Кольберг.

20 и 21 июня Эберт предпринимал отчаянные попытки сформировать новое правительство. Поскольку демократы отказались подписать мирный договор, с условиями или без оных, в правительство, которое в конце концов все же было сформировано, вошли только центристы и социал – демократы. Чтобы избежать полного хаоса, новое правительство обратилось к Национальному собранию с предложением дать ему полномочия на подписание мирного договора, однако понимая, что подпись не будет означать признания вины Германии в развязывании войны, так же как и взятия на себя обязательства выдать императора союзникам. Мандат был получен 237 голосами против 138.

Однако союзники продолжали настаивать на безоговорочном принятии договора и напомнили немецкому правительству, что до истечения установленного предельного срока – 24 июня – осталось менее двадцати четырех часов. В Веймаре снова воцарился хаос. Опять начались разговоры о возобновлении борьбы, а ряд генералов потребовали от Носке введения военной диктатуры. Распространились слухи о восстаниях военных; генерал Меркер, командовавший частями, стоявшими в Веймаре, предупредил лидеров демократов и центристов, что, в случае принятия договора, не сможет отвечать за дисциплину в войсках. Гинденбург внес свой вклад во всеобщую сумятицу, прислав телеграмму президенту, повторившую его предыдущее послание о безнадежности военного сопротивления и одновременно предупреждавшую, что правительство может рассчитывать на поддержку армии до тех пор, пока не подпишет мирный договор без условий.

В обстановке возрастающей тревоги и напряжения Эберт снова обратился к Верховному командованию. Позвонив Гренеру, президент сказал, что согласится на принятие договора, только если Верховное командование прямо и недвусмысленно заявит о невозможности вооруженного сопротивления. Он пообещал позвонить через три часа, чтобы узнать мнение Гренера и Гинденбурга, намереваясь передать их совет правительству.

И снова судьба республики оказалась в руках Гинденбурга и Гренера. Старый маршал, как всегда, не желал принимать на себя обязательства, но Гренер находился рядом и был готов разделить ответственность. Когда позвонил Эберт, маршал как раз находился в кабинете Гренера. Заметив, что Гренер желает

беседовать с президентом сам, маршал спокойно вышел из кабинета. Ответ мог быть только один: сопротивление бесполезно и договор придется подписывать на условиях союзников. Именно такой ответ Гренер и дал Эберту «<не как первый генерал – квартирмейстер, а как немец, владеющий ситуацией». Имя Гинденбурга не упоминалось. Когда Эберт информировал об этом разговоре министров, а они, в свою очередь, Национальное собрание, речь шла только о позиции Гренера. Понятно, что Гренер излагал свои взгляды, зная, что они совпадают с мнением Гинденбурга; правительство и Национальное собрание это также понимали. Гренер снова воспользовался авторитетом маршала для проведения непопулярного решения, одновременно давая понять, что Гинденбург имеет к нему не слишком близкое отношение. Когда Гренер пересказал Гинденбургу свой разговор с президентом, маршал сказал: «<Вы, конечно, были правы, но снова станете «паршивой овцой». Последнее генерала не пугало. «Я верил, что в интересах новой армии миф о Гинденбурге должен продолжать существовать. Было необходимо, чтобы одна великая фигура вышла из войны свободной от вины, возложенной на Генеральный штаб. Именно такой фигурой стал Гинденбург».

На следующий день после принятия Национальным собранием мирного договора Гинденбург проинформировал Эберта, что оставляет Верховное командование. Он подал прошение об отставке еще раньше, но согласился продолжить службу до подписания договора – на таких условиях Эберт удовлетворил его просьбу. Гинденбург также сообщил бывшему императору о своем намерении уйти в отставку: договор был принят, и старый маршал чувствовал, что выполнил свой долг по отношению к стране и императору. Время его ухода было рассчитано так, чтобы отделить его от действительного подписания Версальского договора 28 июня 1919 года. Его последний приказ по армии должен был укрепить это впечатление. «Солдаты, недавно я информировал правительство, что, будучи солдатом, предпочитаю почетную смерть в бою подписанию унизительного мира». Но, отметив это, он тут же призвал солдат и офицеров продолжать трудиться на благо отечества. «<То, что вы думаете о текущих событиях, является вашим личным делом. Но для ваших действий может существовать лишь один руководящий принцип – благо отчизны. <…> Сохранение внутреннего мира и возможности конструктивно работать зависит, главным образом, от внутренней мощи армии. Наш долг – сохранить эту мощь. Как бы это ни было трудно, мы должны отодвинуть в сторону наши личные желания. Только так мы можем надеяться, с Божьей помощью, вывести нашу многострадальную страну из позора к лучшему будущему».

Накануне отъезда Гинденбурга члены его штаба устроили прощальный ужин. Торжественную речь произнес Гренер. Он говорил о жизни и карьере Гинденбурга, нашел подходящие слова для высокой оценки его плодотворного сотрудничества с Людендорфом в годы войны, отметил, что сам император просил маршала остаться с армией, чтобы сохранить единство армии и народа. Он также выразил благодарность маршалу за указание пути, по которому «<мы можем следовать, чтобы перенести хорошие старые традиции в новый век, поскольку именно сейчас рождается этот новый век». Гренер призвал слушателей понять, что предстоит восстановление страны из руин. «(Личность фельдмаршала олицетворяет переход от старой эры к новой, он несет великие и славные силы прошлого в будущее нашей нации. <…> Он преданно служил трем монархам и также преданно служит отчизне, оказавшейся в плачевном положении. Он преодолел сомнения, которые не позволяли ему принимать решения с легкостью и руководствуясь только требованиями его совести. Мы должны следовать его примеру до конца своих дней».

Ответ Гинденбурга был краток и коснулся того, что было ближе всего его сердцу. «(Оглядываясь назад, я думаю в первую очередь, с бесконечной любовью и преданностью, но с тяжелым сердцем о моем благороднейшем монархе, чье доверие когда – то призвало меня на этот пост». Он воздал должное людям, сражавшимся под его командованием во время войны, сотрудникам различных штабов, которые он возглавлял, «(неподражаемому Людендорфу», которого он никогда не забудет, и всем своим помощникам. Он высоко оценил своего последнего советника и помощника, преданного Гренера. «Бог знает, доживу ли я до возвращения лучших времен. Но я желаю этого вам, и я уверен, что вы снова увидите былое величие, без которого мы не мыслим Пруссию и Германию».

На следующее утро Гинденбург уехал. В качестве своего последнего официального акта он подписал письмо маршалу Фошу, в котором убеждал главнокомандующего союзников не настаивать на экстрадиции императора и предлагал предстать перед судом за военные преступления вместо монарха. Маршала провожал весь штаб; фрайкор «Гинденбург», несший дежурство в штабе, прошел торжественным маршем перед станцией; на платформе был выставлен почетный караул. Гинденбург отбыл не как побежденный генерал, а как национальный герой. «Его слава и его личность, – вспоминал Гренер в своих мемуарах, – остались незапятнанными».

Сам Гренер тоже вскоре после этого ушел на покой, организовав объединение Верховного командования с регулярным рейхсвером. В качестве своего преемника он предложил кандидатуру генерала фон Зекта. Он считал, что Зект лучше всех справится с задачей построения эффективной армии в рамках ограничений, наложенных мирным договором, и был уверен, что генерал не потерпит политического вмешательства со стороны правительства или рейхстага. Однако его совет был оставлен без внимания и на эту должность был назначен Рейнхардт.

Глава 2

Временная передышка

Гинденбург вернулся в Ганновер, где жил после своей отставки до самого начала Первой мировой войны. Встреча в Ганновере прошла так же помпезно и торжественно, как и отъезд из Кольберга. На станции его ожидал почетный караул и комитет, куда вошли видные представители муниципальных и государственных властей, а жители города с флагами и цветами образовали живой коридор, восторженно приветствуя именитого соотечественника.

Большая просторная вилла, заметно отличавшаяся от его скромных довоенных апартаментов, ожидала маршала в одном из пригородов. Муниципальная администрация предоставила дом в его распоряжение еще в 1918 году. Тогда решение было принято консервативным городским советом, но после революции социалистическая администрация Ганновера поддержала решение, поскольку тоже желала, чтобы национальный герой обосновался в Ганновере.

Даже оставив службу, Гинденбург не обрел уединения и покоя. Он не мог показаться на улице, не собрав вокруг себя толпу, дома его осаждали бесконечные посетители и делегации, ежедневно он был вынужден уделять несколько часов внушительному объему корреспонденции. К тому же утомительные дебаты относительно событий 9 ноября продолжались и после его приезда в Ганновер.

В дополнение ко всему Гинденбург решил писать мемуары. Этим занимались многие его коллеги – генералы, также вышедшие в отставку. Одни хотели

только изложить на бумаге свои впечатления, тем самым дав вспомогательный материал для будущих историков и стратегов, другие желали защититься от обвинений в некомпетентности или выразить свое негодование тем, что их советами в критический момент пренебрегли. Гинденбург не принадлежал ни к одной из этих групп. Собственно говоря, даже идея написания мемуаров принадлежала не ему. Ее высказал издатель из Берлина Реймар Хоббинг. Причем Хоббинг имел в виду не обычное изложение впечатлений и военного опыта маршала. Он хотел, чтобы тот рассказал о своем внутреннем мире, об этических и духовных ценностях, которые привели его, прусского и германского офицера, к величию. Книга должна была учить и вдохновлять, стать лучом надежды во мраке всеобщего смятения и отчаяния. Ее сразу же предполагалось перевести на другие языки – Хоббинг был уверен, что откровенный рассказ о физическом и духовном совершенствовании маршала укрепит престиж Германии в мире. Чтобы обеспечить быстрое завершение книги, издатель предложил привлечь к ее написанию группу анонимных авторов, которые будут работать под руководством Гинденбурга.

Сначала Гинденбурга идея не увлекла. Но потом он навел справки и счел, что над ней все же стоит подумать. Его заверили, что такая работа действительно сослужит хорошую службу нации в час волнений и всеобщего хаоса, она окажет благотворное влияние на людей, для которых маршал остался единственным символом величия Германии. Конечно, следует всячески избегать сенсационности, но это может быть достигнуто, если избегать полемики. Книга станет «духовным отчетом» немецкому народу, «поднимется высоко над ежедневными спорами и ссорами, над добром и злом». Доводы произвели впечатление на Гинденбурга, но он все же продолжал сомневаться. Необходимо было еще выбрать соответствующего издателя. Некоторые советники считали, что Хоббинг имеет склонность к громкой, навязчивой рекламе и не удовлетворится сдержанной, спокойной информацией, которую требует подобная работа. К маршалу по вопросу написания книги обращались многие. В конце концов, когда за дело взялся старый консервативный издательский дом С. Хирцеля из Лейпцига, Гинденбург дал свое окончательное согласие.

«Из моей жизни» – так была названа книга, написанная Гинденбургом при содействии одного из его бывших помощников, полковника фон Мерца. Она не имела целью внести большую лепту в широко развернувшиеся в то время дебаты, касавшиеся стратегии войны. В ней, конечно, были отражены военные события, но в основном, в соответствии с предназначенной ей ролью, она описывала личность и взгляды маршала. Спорные моменты обходились: якобы имевший место срыв Людендорфа во время сражения при Танненберге был

затронут лишь вскользь, да и то без упоминания имен. Есть ссылка на имевшиеся случаи вмешательства Гинденбурга в политику, но о кризисе, связанном с мирной резолюцией рейхстага, и трениях между правительством и Верховным командованием, приведших к отставке Бетман – Гольвега, не упоминалось вообще. Увольнение Людендорфа и отречение императора сильно приукрашены; описание военного краха тоже, но между строк отчетливо виден намек: причиной военного поражения явился развал внутреннего фронта, а вовсе не усталость войск. «<Как Зигфрид, сраженный предательским копьем угрюмого Хагена, рухнул наш фронт». Таким образом, в своей книге Гинденбург придерживался версии «удара в спину», приведшего к военному коллапсу, хотя в частных беседах неоднократно говорил и о военных поражениях, ставших его причиной.

Книга должна была служить вполне конкретной цели – внедрить в умы читателей понимание необходимости большой и сильной армии. Но, подчеркивая ценность такой армии для страны, маршал касался не столько ее военной, сколько социальной и образовательной функции. Армия преподносилась как бесценная школа дисциплины, самоотверженности, умения выполнять приказы. В ней воспитывались характеры, формировалось чувство ответственности, присутствие духа, умение добиваться своей цели. Нет и не может быть замены такому образованию, которое обеспечивает армия. Немцам, вероятно, более чем другим народам, необходима дисциплина, которую может привить только военное обучение. Без нее маршал не видел перспективы для нации – только упадок и вырождение.

Помимо создания армии, было сказано в книге, в стране необходимо восстановить национальную монархию. К этой цели стремились поколения немцев, и именно она не далее как полвека назад заложила основу величия Германии. Личная заинтересованность Гинденбурга еще более усилила этот тезис. Совершенно очевидно, своей книгой Гинденбург стремился окончательно избавиться от обвинений в нелояльности в отношении монарха и монархии. Он подчеркивал свою неизменную преданность и благодарность императору и королю, выражая ему свое глубочайшее почтение. С неменьшим уважением писал он о Вильгельме I, зато имя Бисмарка упоминал лишь изредка и крайне сдержанно[9 - Сдержанность Гинденбурга в отношении Бисмарка могла объясняться еще и тем, что его отношение к объединению Германии железным канцлером было неоднозначным. Как и многие прусские консерваторы, ему не слишком по душе пришлась мысль о союзе Пруссии с государствами юга Германии. Не смог он и избавиться от своего истинно прусского патриотизма. До конца своих дней он в глубине души оставался в доимперском мире Вильгельма

I.], словно боялся, что деяния канцлера могут приуменьшить авторитет суверена.

Неприязненное отношение маршала к политике прослеживается в книге от начала до конца. Сам Гинденбург приписывал это своему солдатскому воспитанию. В особенности он предостерегал своих читателей против партийной политики, которая слишком легко превращается в поле сражения мелких интриг. Он выражал надежду на воссоздание единого могущественного государства, уходящего корнями в авторитарные традиции старой Пруссии. Он был уверен, что Германия обязательно достигнет этой цели, необходимо только, чтобы схлынула захлестнувшая ее волна беспорядков и демагогии. «С этой уверенностью я откладываю перо в сторону и отдаю свою доверие вам – немецкой молодежи».

Книга была тепло принята представителями высшего и среднего класса и, даже подвергнувшись жесткой критике социалистической прессы, нашла путь в дома большинства рабочих. За очень короткое время было продано несколько сот тысяч экземпляров. Книгу дарили на Рождество и на дни рождения. Ее успех может показаться удивительным, даже несмотря на глубокое почитание народом ее автора, поскольку написана она, мягко говоря, не слишком хорошо. Языку явно не хватает стиля и изящества, а что касается содержания, она почти ничего не добавляла к широко известным фактам. Однако несомненное достоинство мемуаров «Из моей жизни» – в их простоте изложения. Книга давала понятный всем обзор военных событий, хотя и значительно менее точный, чем более солидные мемуары Людендорфа. Непритязательная в литературном отношении, она все же стала бестселлером, добротным историческим повествованием, предназначенным для самого широкого круга читателей, и с блеском выполнила те задачи, для которых была создана.

Прежде чем книга увидела свет, Гинденбург получил еще одну возможность защитить честь старой армии. В августе 1919 года Национальное собрание создало комиссию, призванную разобраться с проблемой ответственности за начало и продолжительность войны. Расследование должно было установить причины, приведшие к взрыву 1914 года, а также выяснить, могла ли война быть завершена раньше на приемлемых условиях. Кроме того, комиссии было поручено изучить взаимоотношения между военными и гражданскими властями и расследовать повторяющиеся обвинения о нарушении Германией международного законодательства при ведении военных действий. Существовала надежда, что комиссия сумеет урегулировать противоречия в

этих вопросах раз и навсегда. Одновременно расследование должно было помочь избежать выдачи «<военных преступников» союзникам. Если бы комиссия установила, что немцы виновны в нарушении международного законодательства, то конкретные лица должны были предстать перед специально созданным государственным судом.

Комиссия приступила к работе. Поскольку союзники собирались в самом ближайшем времени представить список лиц для экстрадиции, промедление было чревато большими неприятностями. Среди вопросов, которые надлежало прояснить, одним из первых стоял пункт о реакции немцев на мирные инициативы президента Вильсона 1916–1917 годов. Могло ли военное противостояние прекратиться на приемлемых условиях еще тогда, если бы Германия не приняла решение перейти к неограниченной подводной войне? Почему Германия предприняла сей судьбоносный шаг и по какой причине Верховное командование настаивало на этом, несмотря на предостережения канцлера? Чтобы получить ответы на эти вопросы, в качестве свидетеля был приглашен Людендорф.

Подкомитет, ответственный за эту стадию расследования, намеренно воздержался от приглашения Гинденбурга. Комитет и без того уже стал объектом яростной критики со стороны правых, которые назвали процедуру позорной. Не было смысла добавлять себе неприятности, вызывая маршала как обычного свидетеля под присягой. Политическая ситуация и так была чрезвычайно напряженной, и обострять ее было опасно. Да и вряд ли от Гинденбурга можно было ожидать большого вклада в расследование. Комитету была хорошо известна роль, сыгранная им во время войны, так же как и то, что он вряд ли обладает информацией, неизвестной Людендорфу. Но когда Людендорф был вызван для дачи свидетельских показаний, он отказался явиться без маршала. И хотя такой ультиматум был прямым нарушением закона, члены комитета капитулировали и пригласили Гинденбурга. Маршал согласился, но, как и следовало ожидать, эта новость спровоцировала взрыв недовольства деятельностью комитета со стороны правых.

У Людендорфа имелись основания настаивать на присутствии маршала. В своих мемуарах он утверждает, что расследование ведения Гинденбургом войны должно было продемонстрировать раз и навсегда абсурдность всей процедуры, но это, несомненно, было вторичным соображением. Главные мотивы Людендорфа были не бескорыстны: понимая, что его авторитет падает, генерал надеялся предстать в лучшем свете в лучах неослабевающей популярности

маршала. Если же не получится, маршал, по крайней мере, разделит с ним всю полноту ответственности.

Оба военных появились перед подкомитетом 18 ноября 1919 года. Пребывание Гинденбурга в столице превратилось в триумфальное чествование национального героя. Правительство воздало ему должное, выделив специальный автомобиль для комфортабельного путешествия из Ганновера. Армия, которая тоже не могла упустить подобный случай, отправила на станцию почетный караул. Два офицера были назначены его помощниками, а у ворот виллы Карла Гельфериха, немецкого государственного деятеля, у которого остановился Гинденбург, была выставлена стража. Толпы народа приветствовали маршала на улицах, где бы он ни появился. Если ему и было неприятно рассказывать о своих военных решениях, он был стократ вознагражден за эти неудобства теплым, сердечным приемом. Когда же всеобщий восторг спровоцировал демонстрации, маршал посчитал своим долгом сдержать эмоции берлинцев. В своем обращении к жителям столицы он попросил их избегать любых действий, которые могут, как он выразился, нарушить общественный порядок и помешать движению транспорта. Когда же некоторые демонстранты стали настойчиво советовать ему, уже на пути в рейхстаг, не появляться перед комитетом, он, не скрывая раздражения, сказал: «Не тревожьте меня. Я исполняю свой долг». Если бы в назначенный день не началась сильная метель, очевидно, были бы предприняты более решительные попытки удержать его от свидетельства. Несколькими днями ранее, когда народ ошибочно решил, что Гинденбург направляется в рейхстаг, толпа студентов вынудила его повернуть обратно. В день, когда он действительно выступал в качестве свидетеля, улицы патрулировались войсками, а его сопровождала вооруженная охрана.

Гинденбург прибыл хорошо подготовленным. Гельферих и его товарищи по партии решили использовать появление маршала перед комитетом для заранее срежиссированной атаки на республиканский режим и левых демократов. Посовещавшись с Людендорфом, они тщательно разработали свои планы. Было подготовлено заявление для маршала, которое он должен был зачитать перед комитетом. После этого Людендорф ответил бы на все возникшие вопросы. Не следовало идти на риск и подвергать маршала унизительному допросу, в процессе которого он, возможно, сделал бы вынужденные опасные признания. Гинденбург с готовностью согласился на предложенный план, который отводил ему устраивающую его второстепенную роль в предстоящем спектакле, – именно роли второго плана всегда предпочитал Гинденбург в трудных ситуациях.

Члены комитета приняли военных с большим почтением. Когда Гинденбург и Людендорф вошли, все присутствующие встали; председательствующий – депутат от демократов Готхейн – лично проводил их на свидетельское место, которое неизвестные почитатели украсили хризантемами и черно – бело – красными лентами. Готхейн открыл заседание и, обратившись к маршалу, принес извинения за причиненные ему неудобства. «(Комитет бы с радостью избавил вас от неудобств, связанных с вашим появлением здесь, а также от трудностей, вызванных путешествием в зимний период. Но, поскольку генерал Людендорф придал большое значение тому, чтобы вы свидетельствовали вместе с ним, нам пришлось просить вас об этом». Ответ Гинденбурга был вежливым, хотя и прохладным: «Позвольте заметить, что я всегда считал своим долгом находиться рядом со своим преданным товарищем по оружию в дни великого противостояния и благодарен судьбе за то, что она предоставила мне такую возможность. Я также благодарен за то, что были приняты меры для облегчения тягот моего путешествия».

После этого обмена любезностями Готхейн попросил маршала принести присягу как свидетеля. И тут возникли некоторые трудности. Гинденбург настаивал, чтобы Людендорф зачитал подготовленное заявление, в котором они оба отрицали свою обязанность давать показания, потому что все ими сказанное может подвергнуть их опасности уголовного преследования. Свидетели не обязаны давать показания, в соответствии с применяемым в данном процессе уголовным кодексом, если их ответы могут быть использованы против них. Они заявили, что готовы свидетельствовать, но если откажутся от своего права не давать показания, то только для того, чтобы помочь установить историческую правду. «Только зная историческую правду, немецкий народ может оправиться от потрясений и обрести былое величие, и только ради этого мы готовы дать свидетельские показания под присягой». Председатель постарался представить это заявление как «изъявление частного пожелания свидетеля», и оба военных были приведены к присяге.

Готхейн задал Гинденбургу первый из серии вопросов, которые были переданы обоим свидетелям заранее. Он касался неограниченной подводной войны. Когда было решено, что эту всеобъемлющую кампанию нельзя больше откладывать, и почему? Как и было договорено, Гинденбург проигнорировал вопрос, а вместо ответа зачитал подготовленное для него заявление. Оно не имело ничего общего с заданным вопросом, его целью было только оправдать методы ведения военных действий Верховным командованием. В стремлении вести войну до победы, подчеркивалось в заявлении, Верховное командование всегда считало

себя исполнителем воли народа и армии. Армия храбро сражалась до конца, в то время как народ оказался слабым, недисциплинированным, а ошибки правительства в конце концов неизбежно привели к военному коллапсу. Здесь он не только повторил то, о чем писал в своих мемуарах, но и пошел еще дальше. Распад гражданской морали, заявил он, начался еще до того, как он и Людендорф приняли Верховное командование в августе 1916 года. «Когда мы приняли командование, мы подали правительству ряд предложений, целью которых было сосредоточение сил всего народа для скорейшего окончания войны на благоприятных для нас условиях. <..> Все мы знаем судьбу этих предложений. <…> Я стремился достичь всестороннего и деятельного сотрудничества, а был встречен слабостью и отказом действовать. С тех пор и до самого конца мы никогда не были избавлены от беспокойства, сумеет ли наш народ в тылу выстоять до победного окончания войны». Более того, разрабатывались планы, и Верховному командованию о них было известно, направленные на подрыв морали в армии и на флоте. «Цели, предполагаемые нашими лидерами, стали недостижимыми. <…> Наши операции были обречены на провал, конец представлялся неизбежным, а революция была краеугольным камнем всего».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вильгельм Гренер занимал пост первого генерала – квартирмейстера, то есть, в отсутствие кайзера, фактически был вторым лицом высшего командного состава германской армии. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Со стороны матери Гинденбург, как и Бисмарк, происходил из семьи среднего класса, но предпочитал игнорировать буржуазный элемент своего происхождения. В своих мемуарах он подробно изложил историю своих предков со стороны отца, но проявил удивительную сдержанность, когда речь зашла о предках по материнской линии.

3

И фельдмаршал фон Мольтке, и генерал – квартирмейстер граф Вальдерзее были согласны с оценкой Шлиффена. Позже Шлиффен, судя по всему, изменил свои взгляды. Обсуждая предполагаемое назначение Гинденбурга на должность начальника штаба армейского корпуса в 1896 году, он видел, что Гинденбург никак не отличился на должности штабного офицера, да и полевым командиром был не вполне удовлетворительным. Все же Гинденбург получил назначение, хотя и в другой корпус.

4

В одном из писем Гофман писал: «Именно спокойствие Гинденбурга спасло ситуацию в решающий момент сражения при Танненберге в августе 1914 года, хотя Людендорф всегда отрицал, что помышлял об отступлении».

5

Когда в разгар военного кризиса – 29 сентября 1918 года – статс – секретарь фон Гинце настоятельно предложил, чтобы Гинденбург поспешил к кайзеру и потребовал немедленного начала мирных переговоров, фельдмаршал возразил,

что еще только 11 часов, а его ежедневная аудиенция у его величества – в полдень.

6

В действительности к этому времени вопрос пребывания Вильгельма на троне уже не стоял на повестке дня переговоров, предшествовавших мирным. 5 ноября западные державы проинформировали Германию о своей готовности вступить в переговоры о перемирии с Германией, хотя Вильгельм все еще оставался императором.

7

А несколькими месяцами ранее именно Шуленбург предсказал гибель монархии. Генерал Людвиг Бек, начальник Генштаба сухопутных войск в 1933–1938 годах и один из ведущих участников антигитлеровского сопротивления, вспоминал, что накануне весеннего наступления 1918 года Шуленбург сказал ему: «Попомни мои слова. В завтрашнем сражении нас ждет успех. Мы возьмем около 100 тысяч пленных и захватим одну тысячу орудий. Но в конце концов наше положение станет даже хуже, чем раньше. А шансы выиграть войну еще более уменьшатся». А 16 июля 1918 года, когда стало очевидно, что третье наступление, начавшееся за день до этого, успешным не станет, Шуленбург сказал Беку: «Вчера мы определенно проиграли войну и, вероятно, потеряли не только императора, но и монархию». При этом в ноябре Шуленбург заявляет: «Наши люди с готовностью согласятся с тезисом о том, что морской флот с его евреями – военными спекулянтами – наносит им удар в спину».

8

Вильгельм отнесся к такому повороту событий настолько серьезно, что в письме, написанном своей супруге в тот вечер, именовал ее «ее величеством королевой

Пруссии».

9

Сдержанность Гинденбурга в отношении Бисмарка могла объясняться еще и тем, что его отношение к объединению Германии железным канцлером было неоднозначным. Как и многие прусские консерваторы, ему не слишком по душе пришлась мысль о союзе Пруссии с государствами юга Германии. Не смог он и избавиться от своего истинно прусского патриотизма. До конца своих дней он в глубине души оставался в доимперском мире Вильгельма I.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dorpalen_andreas/germaniya-na-zare-fashizma

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить